

ЗАРЯ И СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

часть II

Виктория Иванова

Мир сиверов и Свет яров

Виктория Иванова

Заря и Северный ветер. Часть II

«Автор»

2022

Иванова В. И.

Заря и Северный ветер. Часть II / В. И. Иванова — «Автор»,
2022 — (Мир сиверов и Свет яров)

Ирина вновь прошла через границу миров и оказалась в заснеженном саду Чёрного плюща. Всего минуту назад она была на Той стороне, в своём родном городе. Теперь перед её глазами раскинулась во всей своей величественной белизне зима – чужая и враждебная. Ирина стояла посреди неё, как нагая, – уязвимая, потерянная и несчастная. Она не знает, почему оказалась здесь и что делать дальше. Как жить, когда не понимаешь, как устроен этот мир, и видишь только его обёртку. Как найти силы и не потерять себя, когда каждый твой шаг – это ошибка, а слова других – ложь. Свобода и подневольность, жизнь и смерть, господство сильных и борьба слабых. А среди всего этого колючего и окропленного кровью – нежность. Пронзительная, хрупкая и неизбежная...

© Иванова В. И., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1. Черновы	6
Глава 2. Ледоход	14
Глава 3. Птичий гомон	22
Глава 4. Закон Чернова	30
Глава 5. Омут	39
Глава 6. Пепел	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Виктория Иванова

Заря и Северный ветер. Часть II

Моему другу, Валерии Литвиненко.

Глава 1. Черновы

Это шершавое серое утро апреля показалось Ирине странным и нереальным. Она вновь прошла через границу миров и оказалась в заснеженном саду Чёрного плюща. Всего минуту назад она была на Той стороне, в своём родном городе. Позади неё, всего в шаге, за яблоней и туманной завесой осталась до боли знакомая весна. А вместе с ней – неуютный завтрак в квартире северянина, её стыд за содеянное накануне и неприятная, растравливающая душу ссора. Теперь перед глазами Ирины раскинулась во всей своей величественной белизне зима – чужая и враждебная. И она стояла посреди неё, как нагая, – уязвимая, потерянная и несчастная.

Всю дорогу до особняка, служившего переходом в мир сиверов, Ирина прокручивала в голове один и тот же вопрос. Почему она здесь и с ним? Почему? Владимир швырнул ей этот вопрос на кухне после спора из-за журналиста Тараса Бурова. Он заставил её глубоко задуматься над этим. Он заставил её колебаться и разбередил сомнения. От этих сомнений в животе что-то скручивалось и холодело. Без них всё было так ясно и просто: одержимые сиверы охотятся на неё и, чтобы не подставлять под удар родных, она вынужденно вышла за Чернова, ведь он обещал ей защиту. А теперь что? Он подталкивал её к чему-то другому – тёмному и липкому. Её отшлифованная мыслеформула уже не казалась такой убедительной. Звучала она до глупости наивно... А может, просто Ирина выбрала не те слова? Так бывает, когда сложные вещи называешь простыми словами, – они теряют значимость и глубину, становятся мелкими и плоскими.

Окружённая птичьим щебетом и слепящим светом Ирина шла следом за Владимиром, он вёл её через густой сад в замок. По пути им встречались сиверы, они почтительно или подружески небрежно приветствовали её мужа. То же самое было на Той стороне у особняка, когда они въехали на его территорию и оставили на подземной парковке серебристый «лексус» Владимира. Ирине это показалось странным, ведь всего двое суток назад после нападения порченных они прятались от стражей разлома и окольно крались к выходу в парк. Что изменилось сейчас? Почему теперь они не боялись стражей? Придавленная недавними намёками и обвинениями Владимира, Ирина остерегалась говорить с ним и потому ничего не спросила.

В замке у центральной лестницы они столкнулись с молодым сивером. Он торопился куда-то, рассовывая бумаги по карманам кожаного портфеля. Увидев молодожёнов, он с любопытством остановился и поднял на них свои тёмные, волчьи глаза.

– Недолог был ваш медовый отдых, – чуть насмешливо, но не грубо, произнёс сивер. – Добро пожаловать.

– Мстислав у себя? – сухо поинтересовался в ответ Владимир.

– Ты успеешь на совет, – сивер недоверчиво глянул на Ирину. – Как раз обсуждаем ваши свадебные подарки.

– Что южане?

– Виктор вчера отбыл. На Юге волнения. Да и мы не ждали вас так рано.

– Волнения?

– Похоже, яры чем-то недовольны, – увидев приподнятую бровь собеседника, сивер усмехнулся. – Вы тут ни при чём. Это связано с зерном или землёй. Ты же знаешь, как у них это бывает. Поговори с дядей.

– Сергей у него?

– Нет, Вишняковы прислали партию сыворотки сна. Он на разгрузке.

Ирина вскинула глаза на северян и нахмурилась. На Той стороне, когда она ничего ещё не знала о своём происхождении, за ней следили странные люди. У карьера рядом с разломом, ведущим в мир яров, в неё и Александра стреляли. В предплечье Ирины попала тонкая игла, и она потеряла сознание. Виктор потом объяснил, что это сыворотка сна, а те люди – северяне,

они охотились на неё из-за пророчества и её особого дара, иммунитета к серебру. И вот теперь Ирина убедилась, что у сиверов действительно есть это боевое вещество. Виктор не обманывал!

– Ладно, счастливо оставаться.

– Ты уезжаешь?

– У меня дело у Белоозёрных.

– Демьян, – Владимир остановил сивера. – Передай Марго, что мне нужны обещанные материалы.

– Когда?

– В ближайшее время. Все чертежи готовы, завтра еду в Волчью долину, займусь работой.

Демьян кивнул и зашагал к выходу.

– Катерина, проводи Ирину в спальню, – обернувшись на шорох, велел Владимир скользящей из тени служанке.

– Чего-нибудь ещё хотите? – вытянулась в струнку та. – Вы ведь только приехали, устали! Голодны, наверно? Хотите, я принесу вам бокал?

Ирине стало не по себе от той животной преданности, с которой Катерина смотрела на северянина. Казалось, скажи он броситься ей в колодец, она ни минуту бы не раздумывала и сделала то, чего он желает. Однако Владимир не замечал этого: коротко ответив «нет», он повернулся к жене.

– Если тебе что-то нужно, Катерина поможет... – он хотел было что-то добавить, но раздумал и поспешил наверх.

Девушки проводили его взглядом. На середине пути Владимир сбавил шаг и, чуть ссутулившись, прижал руку к раненому животу. Кровь бросилась в лицо Ирины, и она виновато уставилась в пол. Когда Катерина ступила на лестницу, она, не подымая глаз, поплелась следом. В спальне, уже совладав с собственной совестью, Ирина робко спросила:

– А ярчанки?.. Они тоже уехали?

– Уехали.

– Ммм... Виктор ничего мне не оставил? Ну, может, записку какую-нибудь?

– Нет.

На вопросы новой хозяйки Катерина отвечала со скупым почтением, не глядя ей в лицо. Это напомнило Ирине то бессильное раздражение, с которым она сама говорила с Владимиром.

– А моя подруга, Аврора?

– Письмо, – Катерина кивком указала на прикроватную тумбочку, оказавшуюся копией тех, что были в квартире Владимира.

Сердце в груди Ирины учащённо забилося, когда она увидела белый конверт.

– Чего-нибудь ещё?

– Нет, Катерина! Спасибо большое! Мне ничего не нужно. Вы... Ты можешь идти.

– Ваши вещи я разобрала. Если захотите разложить иначе, я сделаю.

– Да, да... – рассеянно пробормотала Ирина, вскрывая конверт.

Не слыша, как закрылась дверь за Катериной, она опустила на край постели и углубилась в чтение. Аврора писала:

Ирина! Дорогая!

Я надеюсь, с тобой всё в порядке! Утром мы узнали о вашем отъезде. Сиверы тоже удивлены. Какое свадебное путешествие? Мы ничего не понимаем! Мстислав говорит: Владимир никому ничего не объяснил, оставил послание и всё. Мы думали, это свадебный букет. Ты же знаешь, традиции... Прости, что напоминаю об этом! В общем, это оказалась просто записка, и мы ещё больше забеспокоились.

Мстислав сказал, что это свадебный сюрприз твоего мужа и вам не до букетов. Никто не знает, когда вы вернётесь. Мы думали ещё пару дней подождать. Но из Ярога мёда приехал

посыльный с погребальным костром. Какой-то ужас! В Яром шипе и ещё нескольких областях начались беспорядки! Они назревали с лета. Александр пытается остановить волнения, но есть уже погибшие. Поэтому мы сейчас же вынуждены уехать. Пожалуйста, напиши мне, когда вы вернётесь! Я буду переживать, пока не получу от тебя вестей.

И ещё. Ирина, поверь, я очень хорошо понимаю, через что ты сейчас проходишь. Знаю, как тебе несладко! Но вспомни, о чём мы говорили в день твоей помолвки? Не забывай об этом! Потерпи немного. Когда утихнет буря, солнце просияет над твоей головой. Я в этом твёрдо убеждена.

Крепко тебя обнимаю. Любящая тебя Аврора.

– О чём мы говорили... – Ирина коснулась губ кончиками пальцев и застыла.

Круг замкнулся. Она снова вернулась к тому, на что в квартире ей указал Чернов: «Спроси себя, почему ты здесь и со мной».

– Потому что твои сородичи охотятся на меня, а ты обещал защиту, – упрямо прошептала Ирина. – Ты с Виктором заключил какой-то договор.

Ведь об этом Аврора говорила с ней в Яром шипе, на это намекала в своём письме. Не могли они ошибиться... Может, Владимир ждал, что Ирина сама обо всём догадается и спросит об условиях? Спросит, какова цена этой защиты, какова его выгода... Что мог он потребовать за закрытыми дверями у главы Юга прежде, чем посвататься к его сестре? При воспоминании о его недавней попытке приблизиться к ней Ирина передёрнула плечами и соскочила с кровати. Она быстро заходила по комнате, и в голове её укором звучал его голос: «Ты не хочешь спрашивать и думать, потому что не хочешь сомневаться и терять веру».

Какую веру? В пророчество? Да она сама и без северянина ставила его под сомнение. Она относилась к нему как к очередной сказке, легенде. Чтобы ни с кем не спорить, лишь делала вид, что принимает своё избранничество. Внутренне она всегда отстранялась от его сути, не хотела глубоко погружаться, надеялась, что время само развенчает его. Но при этом не отказывалась от внимания и привилегий избранной... Как будто надевала маску... Кто она после этого? Лицемерка? Нет! Эта путаница из-за того, что она многие годы была оторвана от своей земли и не понимала традиций своего народа... Не верила в то, что было истиной для Александра или Авроры. Это не так просто – переделать себя. А сам-то Владимир что? Кажется, в её избранничество он тоже не верил. Тогда зачем ему она и этот договор (если он в самом деле есть)? Зачем?

Может, Владимир просто хочет мира, так считала Златослава. После нападения Воронцова и пожара он помчался в Ярый шип, чтобы уверить Виктора в непричастности главы Севера. Вероятно, он готов был платить любую цену, только бы не разгорелась война. Он боится и ненавидит её. Утром он с такой злобой отзывался о близких Ирины: Виктора он обвинял в том, что тот жаждет крови и выращивает чудовище, а Сашу... в том, что он готовит корм для него. Но это мнение Владимира, его правда, Ирина не обязана разделять их. Ей стало жарко, она сбросила на кровать куртку, скинула ботинки и снова принялась ходить туда-сюда, ничего перед собой не видя, только слыша, как шуршат её спортивные брюки.

Итак, он думает, что Виктор и Александр готовятся к войне. Нельзя сказать, что он не прав. Но причём тут она? А притом, что яры верили в её особую роль в грядущем противостоянии. Может, она здесь в роли заложницы? Инструмент манипуляции и давления. Нет! Виктор же не сумасшедший, чтобы так обезоружить себя. По словам Авроры, он убеждал всех в том, что нет ничего важнее его сестры, то есть её. Но при этом он не отказал Чернову, предоставил ей свободу выбора. И, хотя эта свобода отдавала горечью, она у неё была. Если бы Виктор не хотел, чтобы она вышла за северянина, он не дал бы ей принять такое решение! Получался какой-то абсурд: избранная сестра главы Юга, которую прятали на Той стороне и берегли от врагов, выходит замуж за врага, за того, с кем предсказана война. Не могло тут не быть чего-то подспудного!

Значит, тайный стговор был! Владимир вытащил Ирину из горящего амбара и, наверно, этим доказал свою... надёжность? Виктор чувствовал и знал его намерения. Оба мужчины условились на чём-то обоюдывыгодном! И вся эта спешка со свадьбой была продиктована общим ошеломлением – они не хотели, чтобы им помешали. Почему тогда Виктор не объяснил всё Ирине? А разве до этого он много чего ей объяснял? Кажется, он не тот, кто докладывается. Аврора думает, что всё должно выглядеть натурально, реалистично... А может?.. Может, он проверял её? Какая-то ерунда! Почему ерунда? Он проверял, готова ли она сама ради семьи пожертвовать собой. Готова ли поступиться личным ради общего, способна ли на поступок! Вот это вполне в его духе!

Ирина набрала полную грудь воздуха и с шумом выпустила его: знал бы Виктор, что она струсилась и уже не раз изменила своему слову... К счастью, в голову к ней он залезть не мог, оставалось надеяться, что София и Владимир не расскажут о её малодушии. Что ж, куда бы мысли ни заводили Ирину, всё сходилось на скрытых договорённостях. Пока было неясно, как Виктор заберёт её отсюда, к тому же начавшиеся волнения на Юге отодвигали её освобождение. Но главное – она будет свободна. Аврора писала, что солнце просияет над её головой. Это значило, что она обязательно будет дома! Рядом с Сашей! Если бы только она могла спросить у северянина, чтобы уже точно не сомневаться... Но за эти дни Ирина чётко уяснила: ей следует держаться от него подальше, чтобы не искушать судьбу.

Немного успокоившись, она наконец остановилась и осмотрелась. Заполненная дневным светом спальня Владимира была калькой его студии на Той стороне: та же мебель, светильники, цвета. Правда здесь не было кухонной зоны, письменного стола, фотообоев за кроватью. Зато были ввезены и недавно поставлены высокие платяные шкафы с чёрными, словно выжженными, деревьями на дверцах и туалетный столик с зеркалом. Ирине чудилось, что они, как и она, понимают свою чуждость, потому сиротливо жмутся друг к дружке и с опаской косятся на угрюмых старожилков.

Широкие окна с балконной дверью всколыхнули в Ирине жуткое воспоминание: она снова увидела картину вползающих по-паучьи зверей. Девушка прижала руки к груди и съёжилась, мороз пробежал по её коже. В спальне не осталось и следа присутствия порченных: ни мёртвых тел, ни чёрной смолистой крови. Но Ирине казалось, что живые чудовища притаились под кроватью, в шкафу или в ванной. Она убеждала себя, что выдумывает ерунду, что тут никого, кроме неё, нет, пыталась даже смеяться над своими фантазиями. Но страх не отпускал: он прилип к её спине, щекоча ледяным дыханием затылок.

Отстраняясь от него, она старалась думать об ответном письме. Ирина искала бумагу и ручку, но нигде не могла найти и клочка. Одна тумбочка, по всей видимости, предназначавшаяся для неё, была пуста. А во второй оказались только ключи от машины, кобура с оружием, мелкие документы, банковские карточки и её заколка. Та самая! Повертев в руках золотую ивовую веточку, Ирина бросила её обратно и закрыла ящик. Чуть помешкав, она опасливо дотронулась до ручки зеркального шкафа и не сразу решилась потянуть её. Затаив дыхание, Ирина чуть приотворила дверь и замерла – никто не выпрыгнул из тёмного нутра гардероба и не набросился на неё.

Чтобы как-то себя занять, девушка стала перебирать свои вещи. Среди них она нашла незнакомые женские платья в традиционных цветах Севера. София не ошиблась: Владимир предусмотрительно готовился ко всему заранее. Ирина вспомнила привезённые курьером пакеты, часть которых так и осталась нераспакованной в квартире. В них лежала одежда, которую она должна была носить там. Но северянин почему-то передумал, и они вернулись в Чёрный плющ. Перед глазами Ирины встали сцены давешнего вечера, когда она... она сама своими руками чуть не убила человека. Конечно, Владимир не человек, и всё же то, что она сделала, было ужасно!

Прогоняя тошнотворные мысли, Ирина достала первое попавшееся тёплое платье и переделась в ванной. К счастью, дверь в ней запиралась изнутри. Когда Катерина принесла поднос с обедом, Ирина попросила у неё бумагу и ручку. Служанка услужливо кивнула и оставила её одну. Время шло, а Катерина не появлялась. В ожидании Ирина ходила из угла в угол и мысленно собирала текст письма. Через час она догадалась, что Катерина не выполнит её просьбу. Подавляя в себе досаду, девушка снова открыла шкаф и взялась перебирать вещи. После, не найдя, чем ещё себя занять, она укуталась в подаренную Анисьей шаль и задремала. Её как будто морозило, а при воспоминании о съеденном немного мутило.

Неурочный сон оказался зыбким и рваным, он не дал ей ни сил, ни покоя. С первыми серыми сумерками в спальню зашёл Владимир. Ирина испуганно вскочила и тяжёлыми сонными глазами поглядела на него.

– Хочешь отправить письмо? – спросил он, доставая чистую одежду из своего шкафа.

Ирина вздохнула и устало потёрла веки. То, что Катерина доложила о ней северянину, не удивило её, но всё же это неприятно задело.

– Я буду завтра на границе, могу передать.

– И что, я должна его тебе надиктовывать? – взвилась Ирина.

– Нет, – Владимир бросил свой чёрный глухой костюм на кровать и направился к выходу. – Пойдём, – позвал он её через плечо.

Нервно проведя рукой по собранным в хвост волосам, Ирина угрюмо поглядела на мужа. Он терпеливо ждал её, держа дверь распахнутой. Храбрясь, она натянула ботинки и последовала за ним. Они долго шли тихими коридорами и лестницами, пока Владимир не привёл её в свой кабинет.

Здесь было довольно просто и скромно: рабочий стол буквой «Г» с компьютером на квадратной столешнице и разбросанными чертежами и чертёжными инструментами на прямоугольной, заполненные книжные шкафчики, этажерка с папками и одиноким кактусом, небольшой диванчик с бархатной тёмно-зелёной обивкой. Хозяин кабинета очень любил свет. Об этом говорили и широкое в полстены окно, и самые разные приборы: низко свисающие голые лампочки, трёхногий напольный светильник, склонившийся над набросками, стоявший отшельником чёрный торшер и мелкие осколки бра у полок. Всё это разнообразие напоминало почерк того, кто занимался интерьером спальни Ирины в одной из башен.

Владимир включил свет над компьютерным столом, достал из ящика бумагу и конверт.

– Через три четверти часа я вернусь за тобой. Сегодня семья ужинает в одно время.

Ирина не совсем поняла последнюю фразу, но не стала уточнять, ей хотелось скорее сесть за ответ. Утонув в удобном кожаном кресле, она взяла ручку, но тут Владимир окликнул её.

– Мы были в гостинице, – сказал он, стоя в дверном проёме, – собирались в Сан-Паулу, но узнали о событиях на Юге и передумали. Не забудь поделиться этим с подругой. А вот о нашем *особом* свадебном подарке ей не стоит знать.

– Почему?

– Мы ещё не нашли, кого благодарить, – Владимир произнёс эти слова спокойно и тихо, однако в глазах его блеснул затаённый гнев.

Этот тон и этот взгляд заставили Ирину ещё некоторое время после ухода северянина обдумывать его указание. Когда она наконец освободилась от его пугающей силы и склонилась над столом, то вдруг поняла, что не может писать. В спальне ей казалось, что, несмотря на необходимость эзопова языка, она всё продумала. Но теперь рассказать правду было не только сложно, но и как будто запрещено. Ирина несколько раз начинала письмо и зачёркивала. Когда выданная ей бумага закончилась, она выдвинула ящик и увидела книгу. Северянин читал «Легенды Юга. Жизнеописание Родослава Великого». В недоумении погладив обветшалый корешок, Ирина вытянула из-под томика несколько чистых листков и снова принялась за дело.

Но слова по-прежнему не подчинялись ей, предложения сталкивались упрямыми рогами лбами и не пускали друг друга. Совсем измучившись, она всё же смогла накропать короткую записку без лжи и правды. Ирина сообщила подруге, что с ней всё в порядке, что они уехали внезапно, но планы их переменялись. Поделилась тем, что очень обеспокоена ситуацией на Юге и надеется, что всё скоро утихнет. Спросила о брате, Зоряне и Александре. А в конце заметила, что скучает по Авроре и их беседам, что очень ждёт солнечной погоды и всем сердцем надеется на верные прогнозы подруги. Чуть подумав, Ирина приписала просьбу: если возможно, узнать у Виктора, действительно ли всё так, как они думают.

Время за этим сочинительством пролетело незаметно. Когда Владимир вошёл в кабинет, покрытая нервной испариной Ирина очень удивилась. Оглядев его чёрном костюме с бордовым мелким орнаментом на рукавах и воротничке, она обернулась и посмотрела в окошко – на улице была густая темень.

– Идём, – позвал её муж.

Быстро дописав прощание, Ирина убрала письмо в конверт и вдруг застыла – она не помнила фамилии Авроры. Это неприятное открытие поразило её. Как она могла забыть! А знала ли она вообще?.. Лихорадочно перебирая имена, она наткнулась только на «Владимира Чернова». Он заслонил собой других, врос в её сознание, как кривой ржавый гвоздь. «Рогов, Рогов, Рогов... – упорно повторяла Ирина, боясь потерять последнюю связь с Александром. – Ой, нет! Корнев!»

– Ирина, – настойчивый голос Владимира вывел её из задумчивости.

Она быстро нацарапала имя подруги и название крепости, и Владимир спрятал конверт в карман.

В столовой их уже ждали не успевшие разъехаться после свадьбы Черновы. Они сидели за столом и хохотали над рассказом загорелой девушки, одетой в бирюзовое сари. Болтая без умолку, она энергично жестикулировала, и многочисленные золотые браслеты на её руках звенели на весь зал. Чутко уловив в общем веселье первую волну напряжения, девушка смолкла и обернулась. Встретившись с Владимиром глазами, она искренне ему улыбнулась и, звякнув браслетами, прошептала: «Привет!». Переведя взгляд на Ирину, северянка чуть прищурилась и повнимательнее разглядела новую родственницу.

– Добро пожаловать, – приветливо сказал ей Владимир. – Не знал, что ты здесь. Давно приехала?

– Только что! Я пропустила твой праздник, прости. Как только узнала, сразу рванула домой. Ты, конечно, безумец! Но я всё равно люблю тебя. Поздравляю вас, – она сложила лодочкой руки и, прикрыв глаза, склонила голову.

– Давно ты юбки кандომбле поменяла на сари? – с усмешкой поинтересовался Владимир, отодвигая стул для жены.

– Сан-Паулу высосал из меня всю жизнь! Я за весь год спала часов восемь! – театрально возмутилась северянка, – Отпахала, кстати, – она укоризненно приподняла брови и указала пальцем на Владимира, – твой проект, имею право на отпуск там, где хочу.

– Мы её, дураки, дома ждём, а в её мыслях снегом и не пахнет, – пожаловался сидевший во главе стола Мстислав.

– Веронику от солнца теперь не оторвать, глядишь, за южанина выдадим, – зычно рассмеялся Дмитрий.

– Чего и следовало ожидать! Всё как всегда. Накинулись волки! Стоило только переступить порог дома. Поеду-ка я обратно к солнышку в Мумбаи.

Один из молодых сиверов вмешался в разговор, тихо затянув песню:

– ХалиГалиКришна, ХалиГалиРама,
ТралиВалиКрыша, где ты будешь завтра?
Где ты будешь завтра? Тута или тамта?

ХалиГалиКришна, ХалиГалиРама.

Ирина изумлённо воззрилась на него. Он тоже выглядел довольно необычно для северян: яркая толстовка с героями американского анимационного телесериала «Рик и Морти» и татуировки на жилистых руках.

– Чья бы корова мычала, Булакбай! – вскинулась на него Вероника.

– Чья – не знаю, но говорят, священная, – парировал сивер.

Все рассмеялись, и даже суровая Варвара как будто оттаяла.

– Ты напрасно сердиться, – подтрунивал над Вероникой Мстислав. – Бери пример с Владимира. Будете на пару слыть чудаками северной земли. Мы тебе за мир какого хочешь жениха купим!

– Есть там один особо горячий воин, – добавил Димитрий, разрезая отбивную. – Оригинал! Как раз для тебя. Идеально, чтобы в столь юном возрасте острить клыки.

Лицо Ирины окатило жаром: она знала, на кого направлена эта отвратительная уничижительная ирония. Владимир искоса поглядел на жену и, когда она сжала губы в тонкую нитку, протянул бледные пальцы к бокалу с вином, сдавил его основание и осушил одним глотком.

– Вероника, решайся! Это будет презабавное зрелище, – с азартом влилась в беседу Варвара, – посмотреть, как ты надкусишь это молодое румяное яблочко и вытянешь из него весь велеречивый запал. Александр тебе понравится: он учтив, любезен и необыкновенно радушен, почти как наш Булакбай.

Столовая взорвалась хохотом. Варвара молча дождалась, когда он утихнет, и только потом продолжила всё тем же серьёзным тоном:

– Вместе вы скрасите эти суровые вечера и, быть может, развеселите наконец нашу южную Несмеяну, – и только тут, поймав на себе два гневных взгляда, она дала волю своему смеху. – Ах! Поглядите на них! – кивнула она на каменные лица Ирины и Владимира. – Съедят ведь!

– Меня больше беспокоит твоя кожа, Вероника, – прервал насмешки незнакомый скрипучий голос. – Тебе следует быть осторожнее с солнцем.

Это говорил лысый северянин в очках, которого Ирина видела на переговорах в Яром шипе. Тогда он показался ей похожим на Кощея, сейчас же больше напоминал очень уставшего старика.

– Спасибо, Павел Фёдорович! – облегчённо воскликнула Вероника, она не понимала злоязычия Варвары, но чувствовала за неё стыд и неловкость, и потому обрадовалась перемене темы. – Только ты беспокоишься обо мне! Я гуляю под зонтиком, в самый зной не выхожу на улицу...

– И всё же, кожа тёмная, Вероника. Будь осторожнее, ты не человек уже, солнце делает тебя уязвимой.

– Хорошо, – Вероника виновато поморщилась и сгладила неловкость ответными вопросами: – Как твоё дело? Процветает?

– Двигаемся помаленьку. Растём. Рук только не хватает.

– Павел так увлёкся своим хобби, что ему и дела нет до здоровья сиверов, – проворчал хозяин замка. – Владимир скоро в тень обратится, ты хоть бы следил за ним.

– Ты, знаешь, Мстислав, что упрёк твой несправедлив, – кротко ответил Павел Фёдорович. – Сиверы крепки и духом, и телом, – медленно и степенно продолжил он, – а людям никак без меня. И это, как ты заметил, не хобби, а дело моей жизни. Или вечности, если хочешь. Тебе это прекрасно известно.

– Н-у-у, развёл философию! Обиделся!

– Что же касается до Володи, он не злоупотребит своей выносливостью.

– Не злоупотребит? – раздражённо фыркнул Мстислав. – Катя, принеси ему бокал. Мне кажется, он давно уже злоупотребляет.

– Не надо, – Владимир исподлобья поглядел на дядю.

– Что такое? – вспыхнул Мстислав. – Уж не жена ли причина твоего поста?

Она северянка теперь, и жить ей по северным законам.

– Законы законами, но даже молодая жена не в силах удержать ветер дома, – миролюбиво вмешался Димитрий.

Вероника ахнула.

– Куда ты опять? – с любопытством спросила она Владимира.

– Никуда. На объект в Волчью долину.

– На пограничную зону?

– Нам с Ириной там жить, я хочу сам вести проект.

– Иначе говоря, как всегда он хочет всё контролировать, – ввернула Варвара.

– Я уже подготовил все чертежи, макет, – глядя Веронике в глаза, продолжил Владимир.

– О, я бы взглянула, что ты там для себя придумал! А кто в офисе останется? Ты же не будешь разрываться...

– Илья. Я передал ему заказчиков. Варвара будет на подхвате, она искушённый специалист.

– Владимиру дела семьи отныне не интересны, мысленно он уже не с нами, – опередив Варвару, поддел племянника Мстислав.

– Нет, это правильно, что Володя сам будет заниматься стройкой, – со знанием дела заступилась Вероника, лицо её стало серьёзным. – А нашу работу сколько ни делай, её никогда меньше не становится.

– У тебя восемьсот архитекторов, – присовокупил Владимир. – Одним больше, одним меньше.

Весь ужин Черновы шумно спорили, подтрунивали друг над другом, рассказывали истории, словно они были давними друзьями, которые наконец, соскучившись после долгой разлуки, смогли собраться вместе. Уже потом, много после, Ирина поняла, что подобный вечер – роскошь для них, исключение из обыденного порядка. В Чёрном плюще не было принято каждый день семьёй собираться за столом. Не только потому что состав домочадцев был подвижен и широк: здесь, как в гостинице, одни Черновы приезжали, другие уезжали. Но и потому, что каждый занимался своим делом в своём привычном режиме и жил своей обособленной жизнью.

Оставшийся вечер Владимир и Мстислав не замечали друг друга и больше не препирались. Варвара тоже приняла позицию отстранённости. Самыми шумными и оживлёнными были Вероника и Булакбай, рассказывающие о своей жизни в Сан-Паулу и Алма-Ате. Уже после ужина эта дружелюбная и милая северянка догнала Ирину и Владимира в коридоре.

– Володя, – шёпотом сказала она. – Завтра я тоже уезжаю. Знаю, ты ни во что не веришь, – Вероника сжала его ладонь и мельком, словно спрашивая позволения и извиняясь за этот тактильный контакт, глянула на Ирину. – Будь осторожен. Тебя ведёт ориша твоего отца.

Владимир посмотрел на расписанные хной руки девушки и мягко усмехнулся. Чуть помедлив, словно выбирая слова, он поднял глаза на Веронику и не спеша ответил:

– Спасибо. Я был очень рад тебя видеть.

Глава 2. Ледоход

За мучительно долгими днями апреля потянулись такие же мучительно долгие и пустопорожние дни снежного мая. Подобно медленным, неповоротливым льдинам на реке, они двигались туда, куда толкало их течение. Неприкаянность, одиночество, неизменное ощущение чуждости заполняли жизнь Ирины. Стены Чёрного плюща давили, отравляя её сознание страхом и высасывая из неё силы. Девушке казалось, что даже физически она стала слаба: у неё часто кружилась голова, потели руки, она постоянно спала. Но после сна чувствовала себя ещё более утомлённой и истощённой. Мысли её становились обрывочными и смазанными, а тело – тяжёлым и неуклюжим.

Приставленная к ней Катерина следила, что делает, куда идёт, вовремя ли ест её новая хозяйка. Плохой аппетит Ирины не давал ей покоя, и, чтобы его пробудить, она изворачивалась как могла. Видимо, Владимир велел не только не спускать с его жены глаз, но и контролировать её трёхразовое питание. Стремясь угодить, служанка вежливо отвечала на вопросы и выполняла мелкие поручения. По просьбе Ирины она даже достала все необходимые для женской гигиены мелочи. Но как бы она ни старалась, в её суррогатной заботе не было ни участия, ни сердечности – только чужой приказ и привычная необходимость подчиняться. Ирина знала, что за любезностью Катерина умело скрывает свою неприязнь. И не могла её винить за это. Человек в Чёрном плюще не мог не озлобиться.

Ирина видела, как жестоко обращается со слугами Варвара. Катерину северянка могла не только оскорбить, но и ударить – это было в порядке вещей. Всякий раз при виде такой несправедливости Ирина загоралась негодованием: её дыхание сбивалось, а кулаки сами собой сжимались. Но всего через пару мгновений она распрямляла пальцы, опускала плечи и отворачивалась. Если молчали Мстислав, Димитрий и Демьян, разве она могла говорить? Она не имела права на голос, потому ничего не могла сделать. Она не могла бороться с Варварой, против которой была бессильна и которую боялась. Такая трусость превращала Ирину в соучастницу этого людоедства.

Она хотела сочувствовать Катерине. Но, к своему ужасу, даже на это не была способна: что-то отталкивало её от этой забитой и услужливой девушки. Любая попытка говорить с ней как с равной оборачивалась неудачей. Однажды после очередного скандала, затеянного Варварой, Ирина наедине обратилась к Кате на «вы». Служанка посмотрела на это как на очередной каприз новой хозяйки. Покорная и в то же время снисходительная улыбка на опухших, разбитых губах пристыдила Ирину. Эта демонстрация неуместного уважения к человеку, должно быть, выглядела как издёвка. Как бы Ирина ни хотела, она не могла отделить себя от жестоких хозяев замка. Пусть не северянка, но южанка – в глазах Катерины она была одной из них.

Как к слугам относился Владимир, Ирина не знала. Он больше недели не появлялся в Чёрном плюще и потому никак не участвовал в её жизни. После его отъезда спальня стала безопасным местом: Ирина больше не испытывала на себе изучающий взгляд, не стеснялась своей молочной муслиновой сорочки, не слышала рядом чужое дыхание. Однако уединение не спасло её от тоски, напротив, оно усилило её и обострило ощущение несвободы. В Яром шипе Ирина читала, училась, ходила на тренировки и прогулки, её окружали дружелюбные общительные яры. Здесь всё было иначе. Северяне приезжали в замок, совещались в кабинетах, болтали и смеялись в коридорах – никому до неё не было дела. Никто не спрашивал о ней, не пытался наладить контакт. Ирина сидела в четырёх стенах одна и ничего не делала, только спала.

Часто она думала о Саше. Зная его горячий нрав, она догадывалась, что он сейчас в самом пекле, потому сильно нервничала из-за отсутствия вестей. С нежностью и щемящей болью она вспоминала его лучистые глаза и тёплый голос, перебирала все события, которые были свя-

заны с ним. Ярче всего ей запомнилось солнечное утро древниц, когда она лежала на полу и Саша вошёл в её комнату. Тогда она усомнилась в нём, посчитала себя обузой, навязанной ему Виктором. Но Саша развеял эти глупые переживания и привёл её в свой дом. Ирина сидела за одним столом с его близкими, разговаривала с гостями, помогала его матери прибираться всё после праздника. Тогда она была счастлива от ощущения единения с его родными, подсознательно она хотела быть частью его семьи. Возможно ли это теперь? После того, что она сделала. Этот вопрос током гнал холод к кончикам пальцев, перекрывал доступ к кислороду и заставлял сжиматься калачиком от сдавливающей внутренности боли. Ирина зажимала рот подушкой и выла. Всё, чего ей хотелось, – чтобы с Сашей всё было хорошо, чтобы он пришёл за ней и забрал её в свою семью.

В первые дни, чтобы не сойти с ума, Ирина на завтрак, обед и ужин спускалась в столовую. Это помогало немного сменить обстановку и заполнить время, которого у неё было в избытке. Благодаря Катерине ей удавалось выгадать удобный час, чтобы не пересекаться с другими жителями замка. Осторожно выходя из спальни, она тихо кралась вниз, ноги её при этом становились ватными, а ладони – мокрыми. Чуть завидев кого-то из сиверов, Ирина цепенела. Страх гнал её обратно в комнату, но она боролась с ним и заставляла себя идти дальше. Иногда расчёты подводили её, и рядом с ней за дубовый стол усаживались Черновы. В их окружении Ирине всегда было не по себе, особенно в присутствии Варвары. Хуже всего, когда кто-то при ней пил из чёрного бокала «вино жизни». Для приличия Ирина выжидала пару минут и затем сбегала в спальню.

Однажды после обеда она задержалась в сумрачной тихой столовой. Здесь в треске камина, в мимолётном шелесте шагов и шёпоте служанок, проносившихся стороной, ощущалось тёплое биение жизни. Ровное и непрерывное, как удары пульса под кончиками пальцев. Потому она не хотела возвращаться в холодную опостылевшую спальню. Появления сиверов она не боялась: Катерина сказала, что все уже поели. Плотнее укутавшись в шаль, Ирина подошла к окошку и задумалась. На улице в снежной мгле бесновался дикий ветер. Он нещадно драл за волосы и клонил к земле одинокую берёзку. Зима, безжалостная и сумасбродная, господствовала на Севере даже в мае. Ирина коснулась серебряного пульса на шее и нахмурилась.

– Не стоит разводить сыр – он скоро явится, – раздался за её спиной задиристый женский голос.

Ирина отёрнула пальцы от цепочки и обернулась. У камина стояла Варвара. Повседневный чёрный костюм с красными узорами подчёркивал её точёную фигуру и красоту бледного острого лица. Она медленно прошла к столу и с протяжным гроыханием отодвинула стул.

– Его вообще-то довольно просто приручить, – вальяжно усевшись, продолжила Варвара. – Особого ума для этого не надо. Даже Катя смогла бы с ним управиться, – она перевела взгляд на вошедшую с подносом служанку.

Катерина запнулась и втянула голову в плечи.

– Хотя-а-я-а. Нет. Тут всё печально. У нашего Володи натура слишком впечатлительная, ему нравятся вещи посложнее, – Варвара повернулась к растерянной Ирине. – Хочешь, дам парочку советов? Подскажу, с какой полки достать поводок.

Ирину взяла оторопь. Она не знала, как вести себя и что говорить. Первой мыслью её было скорее уйти отсюда. Но пригвождённая взглядом Варвары, она продолжила стоять. Отчего-то она чувствовала себя виноватой и как будто ждала наказания. В это время Катерина собрала полупустые тарелки на поднос и в ожидании сжала край фартука. Тишина затягивалась, и, прерывисто выдохнув, словно набираясь смелости, она вдруг выпалила:

– Чего-нибудь желаете?

– Я желаю, – Варвара впиалась в неё хищными глазами, – чтобы ты убралась отсюда. Я перекушу тебе горло, чтобы в твоём мозгу наконец отпечаталось одно простое правило: молчать. Пошла вон!

Из ступора Ирину вывел Демьян, появившийся на пороге в заснеженной одежде. Он отвлёк на себя внимание Варвары, и Ирина незаметно вслед за Катериной прошмыгнула в коридор. В спальне она ругала себя за трусость и обещала в следующий раз дать отпор. Но следующего раза не случилось: Ирина как-то резко ослабла и перестала выходить из комнаты. Катерина приносила ей еду туда.

В одну из ночей Ирине стало совсем плохо, она не могла даже пошевелиться. Ей мерещилась та самая берёза, только теперь её ствол с жутким хрустом переламывался, и она падала на землю. Ей чудилась Варвара, держащая Сашу на поводке у своих ног и пившая человеческую кровь из чёрного бокала. Ирина слышала скрип, завывание ветра, к её ногам подбирался холод. Она застряла между сном и реальностью, словно её запечатали в тесном гробу между жизнью и смертью. Воздуха не хватало, дышать становилось труднее. Ирина силилась выбраться из этого состояния, но ничего не получалось. Внезапно тусклый тёплый свет потянул её наверх. Она открыла глаза и увидела встревоженное щетинистое лицо.

– Ирина! – Владимир тряс её за плечи. – Ирина! Посмотри на меня!

Она смежила тяжёлые веки, и он вытащил её из-под одеяла. Пока северянин усаживал её в подушках, она старалась взять контроль над своим безвольным телом. Сил не было, всё болело, ужасно хотелось пить.

– Ты больна? – Владимир потрогал её горячие щеки и лоб.

Она попробовала отмахнуться от него и, как пьяная, заваливалась набок.

– Сиди спокойно! – он отбросил в сторону одеяло и вернул её на место.

– Пить...

Северянин налил из графина воды, и она с жадностью осушила бокал, затем ещё и ещё один. Когда руки Ирины соскользнули на колени, Владимир ошупал их и осмотрел. Удостоверившись, что кожа жены там невредима, он отодвинул влажные рыжие волосы. Пока он обследовал её шею, Ирина прижималась затылком к изголовью и, зажмурившись, глубоко дышала. Её грудь наполнялась лесным морозным воздухом, его принёс с улицы Владимир. В этом воздухе был и его колючий горьковатый запах. Когда северянин наконец оставил её в покое, она разлепила ресницы и посмотрела на него. Он сидел перед ней неподвижно и, как зачарованный, глядел на серебряный пульс. Ирину пробрала дрожь, и она в поисках одеяла принялась шарить рукой по простыне.

– Нельзя кутаться, – Владимир сжал её пальцы. – У тебя жар. Потерпи. Я схожу за врачом.

Перед уходом он натянул на её ледяные ступни шерстяные носки и коснулся лба тыльной стороной ладони. Ирину всю трясло, хотя кожа горела огнём. Едва дверь за её мужем закрылась, она налила себе воды. После двух бокалов жажду сменила тошнота. Ирина попробовала подняться, но смогла только со второй попытки: кости, словно передавленные и переломанные, невыносимо болели. Хватаясь за стенку и медленно переставляя ноги, Ирина добрела до ванной. Там её несколько раз вырвало в унитаз. Опорожнив желудок, она измученно сползла на пол. В этом положении её нашла белая, как полотно, Катерина. Она помогла ей умыться и вернуться в постель.

– Я приготовлю бульон. Вам станет лучше! – служанка суетливо укрыла Ирину и выбежала из комнаты.

Приготовленный Катериной куриный бульон с душистыми иголочками травы, похожей на мятный укроп, как будто воскресил Ирину. Потихоньку силы стали возвращаться к ней. В нервном ознобе заворачиваясь в одеяло, она наблюдала за служанкой, составлявшей на поднос посуду. Нескладно-высокий рост и пышная красивая грудь, мышинного цвета жидкие волосы и маленькие аккуратным бантиком губы, серая неровная кожа и дымчатые огромные глаза казались Ирине удивительно негармоничным сочетанием неказистости и красоты. Это сочетание вкупе с несвободой не могло не отложить свой отпечаток на душе этой девушки. Ирине стало

очень жаль её, и она от всего сердца поблагодарила Катю за заботу. Но та как будто испугалась этих слов. Ответить она не успела – в комнату вернулся Владимир.

– Почему ты не сказала, что Павел Фёдорович уехал за вакциной? – сурово спросил он у Катерины. – Где Сергей Мстиславович?

– Я... я не знаю...

– Почему днём ты не позвала к ней врача?

Катерина склонила голову и вцепилась в ручки подноса.

– Потому что всё было хорошо, – вступилась за неё Ирина.

– Ты вся горящая, – Владимир подошёл к ней, он снова хотел дотронуться до её лба, но она отвела его руку.

– Температуры уже нет.

– Ты вся мокрая.

– Я помогу переодеться, – Катерина бросилась к шкафу.

– Нужно показаться врачу. Сегодня Настя осмотрит тебя...

– Не надо, я в порядке.

Владимир медленно втянул воздух, задержал его в груди и шумно выдохнул. Отыскав сменную сорочку, Катерина боязливо подступила к ним.

– Завтра ты покажешься Павлу, – безапелляционным тоном выговорил северянин и отошёл в сторону.

– Как прикажешь.

– Катя, – Владимир, не оборачиваясь, стянул с себя пальто и швырнул его в кресло, – когда приедет Анастасия Мстиславовна, пусть Егор увезёт её обратно. Скажи, что я прошу прощения за беспокойство.

– Хорошо, конечно!

На следующий день при бледном цвете лица Ирина казалась бодрой и здоровой. Утром и в обед она ела через силу, а вот к вечеру аппетит разыгрался, и она легко опустошила все тарелки. Из симптомов болезни оставалось только легкое головокружение при резком подъёме. Сторожившему её Владимиру она об этом не говорила, но он всё равно настоял на визите доктора. Вернувшийся только через двое суток Павел Фёдорович осмотрел горло пациентки, послушал лёгкие, померил давление. По всем показателям она была здорова.

– Я же сказала, что всё прошло, – недовольно пробурчала Ирина во время медицинских манипуляций.

– Тошнота есть? – пропустил её замечания мимо ушей Павел Фёдорович.

– Была, сейчас нет.

– Головокружение?

– Н-не знаю. Почти нет.

– Последние дни цикла?

Ирина встретилась с глазами Владимира и покраснела.

– Она не беременна, – прочистив горло, ответил он за неё. – Что это может быть?

– Что угодно: стресс, вирус, пищевое отравление. Я возьму анализы, посмотрим. Организм немного ослаблен, нервное истощение на лицо. Но в целом сейчас ничего страшного не вижу.

– Тебе надо больше отдыхать, – заключил Владимир.

– Да я только и делаю, что отдыхаю! – сердито откликнулась Ирина, когда доктор перевязал её руку жгутом.

– Ещё немного отдохнёшь и займёшься делом.

Ирине хотелось спросить, каким ещё делом, но она решила не удостаивать мужа такой чести. После забора крови Павел Фёдорович поставил на тумбочку баночки для анализов и вежливо попрощался. Сиверов сразу сменила Катерина.

– Как вы? – нервно растирая ладони, спросила она. – Чего-нибудь желаете?

Ирина задумалась.

– Да, – сузила она глаза. – Слушай, Катя... А проводи меня, пожалуйста, на кухню?

– Зачем?

– Мой муж хочет, чтобы я занялась делом. Приготовлю себе завтрак.

Несмотря на уговоры Катерины, Ирина настояла на своём.

Оживлённый разговор между работницами на кухне прервался сразу, как только на пороге появилась новая хозяйка. Женщины в серой форме и белых фартуках смотрели на Ирину ошарашенно и напуганно. Придя в себя, они вскочили с мест и засуетились – у каждой нашлось срочное дело. В полном молчании нарезаая мясо, раскатывая тесто или натирая уже сухую посуду, они украдкой переглядывались. Все напряжённо чего-то ждали. Смутившись от произведённого эффекта, Ирина тихо поздоровалась и перевела вопрошающий взгляд на свою спутницу. Катерина кивком указала на рабочий стол у плиты и повела её к нему.

– Что хотите приготовить?

Вдохновлённая своей затеей Ирина улыбнулась и пожала плечами.

– Не знаю... Может, яичницу?

Служанка помогла ей собрать всю необходимую посуду и продукты, после чего Ирина спровадила её. Она не хотела отвлекать девушку от привычных обязанностей. Оставшись на кухне одна с работницами, Ирина пыталась придумать, как разрядить обстановку и начать непринуждённую беседу (она надеялась отыскать здесь дружескую компанию для себя). На ум ничего не шло, и настороженная тишина становилась неудобнее. Ирине было неловко от того, что из-за неё эти затравленные женщины вынуждены вести себя неестественно и скованно. Но ей очень хотелось показать им, что она такая же, как они, и что её не надо бояться. Переворачивая шипящие охотничьи колбаски, она перебирала возможные темы и в какой-то миг уже обернулась, чтобы спросить о погоде, но так и застыла с лопаткой в руках. В дверном проёме с мрачным выражением лица стоял Владимир.

– Что ты тут делаешь? – сердито спросил он её.

– Занимаюсь делом...

– Почему моя жена сама готовит себе еду? У нас недостаточно рук? – строго обратился к работницам Владимир.

Ирина насупилась и сильнее стиснула лопатку.

– Марья? – продолжил наступление северянин. – Здесь пренебрегают желаниями моей жены?

Перепуганные женщины, как зажатые в угол цыплята, сбились в кучу и неуверенно что-то забормотали.

– Я сама захотела! – зло вмешалась Ирина. – Ты сам говорил, что никто не отнимал у меня права выбирать. Вот я выбрала – приготовить себе завтрак!

– Марья прекрасно справится с тем, что ты выберешь.

Старшая кухарка, судорожно сглотнув, согласно закивала.

– В остальном нет необходимости. Не думаю, что кто-то здесь осмелится тебя травить.

Ирина так и остолбенела, округлив глаза и открыв рот. Работницы зашептались и наперебой бросились уверять её в безопасности. Марья с боязливым трепетом и налётом лёгкой обиды рассказывала про свой многолетний опыт, соблюдение всех санитарных правил и качество продуктов, которые младший хозяин велел доставлять для молодой хозяйки аж с Юга. Эти оправдания не доходили до сознания Ирины, оно было занято ненавистью к Владимиру. Ведь он извратил все её намерения и выставил её взбалмошной недоверчивой эгоисткой. Владимир же, словно поражённый внезапной мыслью, на миг застыл, затем мазанул взглядом по кастрюлям и задумчиво произнёс:

– Заканчивай... Ты нужна мне.

Служанки бросились ей помогать.

– Не надо, – остановил их хозяин. – Ирина Чернова сама в состоянии справиться со своим важным делом, – он шагнул за дверь.

«Никитина! – мысленно поправила его Ирина, но тут же с грустью подумала: – Или Громова...» На кухне воцарилась ледяная тишина. После такой сцены едва ли Ирина могла рассчитывать на дружеское общение и участие этих оскорблённых женщин. И всё же, чтобы как-то примириться и смягчить обстановку, она вежливо спросила:

– Не подскажите, где взять петрушку?

Работницы, побросав свои чашки, врассыпную бросились к холодильникам, но Ирина постаралась их опередить.

– Да не надо, я сама! – она открыла первый попавшийся и застыла.

Внутри холодильника на полках лежали десятки прозрачных пластиковых пакетиков с кровью. Ирина медленно закрыла дверцу и попятилась к своему столу. К горлу подступил тошнотворный комочек. Кто-то положил рядом с измельчёнными ею овощами целый веник зелени...

Завтракали молча. Вернее, Ирина ела свою стряпню, а Владимир, заложив руки за спину, стоял у окошка и наблюдал за снегирями, сидевшими на ветке берёзы.

– Чего-нибудь желаете? – мягко спросила у него Катерина.

– Я поем после жены, Катя, – не оборачиваясь, ответил Владимир и отрешённо добавил: – Ледоход скоро начнётся...

– Что вы! – обрадовалась этому замечанию Катерина. – Говорят, до тепла далеко, ветер опять метели несёт.

– Нет. Весна уже тут.

Дожевав последний кусочек яичницы, Ирина стремительно поднялась и стала собирать посуду.

– Давайте я сама отнесу! – подскочила к ней Катерина.

– Ирина, оставь, – Владимир повернулся к девушкам. – Иди оденься теплее и спустись в гостиную. Мы кое-куда выйдем.

На этот раз Ирина не стала спорить. После случившегося на кухне на неё навалилась хандра, и на пререкания не осталось энергии. К тому же, кажется, её ждала первая за долгие недели вылазка на улицу, нельзя было упустить эту возможность. Ирина надела горнолыжный костюм и шапку и скоро вернулась в столовую. Владимир уже сидел за столом и равнодушно крутил в руках чёрный бокал. Когда Ирина показалась в дверном проёме, он отставил бокал и поднял на неё глаза. Прочитав в её лице омерзение, Владимир стянул со спинки стула пальто и поспешил уйти.

– Идём, – позвал он её в коридоре.

Держась на расстоянии, Ирина без особого энтузиазма плелась за северянином. Уже на улице, на входной площадке, она сунула руки в карманы и нашла только одну варежку.

– Я сейчас! – бросила она Владимиру и юркнула обратно в замок.

Потерянную варежку Ирина отыскала в столовой на ковре. Подняв её с пола, она уже собиралась уйти, как вдруг сердце её обмерло и провалилось куда-то вниз. Она увидела Катерину, прильнувшую к чёрному бокалу Владимира. Запрокинув голову, служанка допивала его содержимое. Застигнутая хозяйкой, она вздрогнула и уронила бокал. Он со страшным грохотом разлетелся вдребезги. Потрясённая Ирина попятилась, затем круто развернулась и бросилась назад.

Погода стояла ясная и морозная. Снег искрился и скрипел под ногами. Ирина не видела, куда ведёт её Владимир, – из головы не шла жуткая сцена. Она не могла избавиться от ощущения гадливости, словно её заставили принимать участие в чьём-то извращении. Опомнилась Ирина на заднем внутреннем дворе, когда поскользнулась и чуть не упала.

– Куда мы идём? – шурясь от режущего света, спросила она.

Владимир обернулся и указал на конюшню, виднеющуюся впереди за загоном для выгула лошадей.

– Зачем?

– Идём.

Сколоченная из широких прочных брёвен конюшня оказалась просторной, светлой и чистой. Здесь пахло сеном, древесиной и живым тёплом. Отворив высокую дверь одного из денников, Владимир посторонился, пропуская жену вперёд. Она заглянула внутрь и обомлела – красавица породы пинто, прятаясь в загоне, поразила её. Лошадь была ослепительно белой и лишь по крупу к стройным ногам и по морде растекался огонь; уши, чёлка и кончик хвоста также были рыжими, от голубых глаз к носу тянулась белая полоска. Несмотря на свой страх перед лошадьми, Ирине хотелось коснуться этой полоски, но она никак не решалась. Заметив это, Владимир успокоил её:

– Она покладистая, не бойся.

Девушка сделала шаг к кобыле, но та резко фыркнула и пугливо попятилась.

– Тш-ш-ш, Адара, – Владимир подошёл к лошади и ласково погладил её.

Адара покорила ему, и северянин подозвал жену. Ирина осторожно приблизилась и с нежностью коснулась тёплой морды.

– Она твоя.

Ирина изумлённо уставилась на Владимира, и он нерешительно перехватил её пальцы.

– Мой свадебный подарок.

– Одного свадебного подарка было достаточно, – Ирина одёрнула руку. – Я не люблю лошадей, – она выскочила из денника и почти бегом устремила к выходу.

– Долго намерена кусаться? – нагнал её на улице Владимир.

Пытаясь вспомнить, по какой дорожке они пришли, Ирина озиралась по сторонам. Северянин сжал её руку выше локтя, но девушка тут же её вырвала и крикнула ему в лицо:

– Хватит! Мне это надоело.

Она побежала вниз по тропинке, лишь бы не видеть это окаменелое лицо, не видеть этих глаз, расчётливо ждущих от неё чего-то. Ирина боялась, что северянин последует за ней, ждала каждую секунду, что он догонит, одёрнет, заговорит своим привычным бесстрастным тоном. Но никто за ней не гнался, и Ирина перешла на шаг. Очутившись в глубине хозяйственного двора, она поняла, что оказалась в тупике. Несколько раз она сворачивала на тропки между складскими помещениями и сараями, но другую дорожку к замку не находила и как будто бродила кругами.

Делать было нечего, пришлось идти обратно знакомым путём. Северянин терпеливо ждал её на том же месте, где она его бросила. Глядя на его спину и затылок, Ирина готова была провалиться сквозь землю. Она понимала всю нелепость своего положения. Владимир слышал её несмелые шаги, но не оборачивался. Лицом к небу, чуть запрокинув голову, он медленно затягивался сигаретным дымом. Ирина готовилась к насмешке вроде «Нагулялась?» или «Осмотрела местные достопримечательности?». Но он не сказал ни слова, только бросил окурочек в снег и спокойно зашагал по противоположной извилистой дорожке. Эта тактичность ещё больше уязвила Ирину, и в замок она возвращалась раздражённой и пустой.

У обледенелых ступенек чёрного входа они встретили мальчишку лет десяти. Нахохлившись и засунув руки в карманы тулупа, он старался спрятать в широком воротнике красные от мороза уши. Это делало его похожим на растрёпанную московку с чёрным торчащим хохолком. При виде хозяев мальчишка встрепенулся и просиял улыбкой. На одной щеке под крошечной родинкой у него появилась ямочка.

– Владимир Вячеславич! – подхватив что-то с земли, он радостно соскочил со ступенек и побежал северянину навстречу. – Отец закончил работу! – мальчишка протянул Владимиру небольшой полотняный мешок с вышитым серебристо-алым урагусом.

– Матери передай мою благодарность, – забирая мешок, оценил рисунок Владимир. – Гриша, где твоя шапка? – он поднял глаза на мальчишку.

– Потерял, – неловко приглаживая торчащие вихры, соврал мальчишка.

– Мать заругает опять?

– «На Юге тебя что ли нашли», – смешно гримасничая, передразнил мать Гриша. – Одно у неё слово.

– Давно ждёшь?

– Да нет, – снова слукавил Гриша, но уже с удовольствием, желая угодить хозяину.

– Ну-ну, вижу. Иди на кухню, пусть Марья напоит тебя чаем.

– Да она меня прогонит, занята она... Я тут подожду!

– Иди, иди. Моя жена тебя угостит. Она знаешь какую яичницу умеет готовить? Стоящее дело!

Гриша обратил на Ирину свои гречишные, с солнечной радужкой глаза, и Ирина увидела в них восхищение и благоговейный ужас.

– Отогреешься пока. Я принесу деньги. Завтра уеду. Пусть отец придёт, снимет мерки с Ирины Анатольевны, ей нужна хорошая обувь на весну и лето.

Владимир направился в сторону центрального входа. Ирина в смятении проводила его взглядом и снова посмотрела на мальчишку.

– Идём? – неуверенно спросила она его.

Таращась на неё, он застенчиво улыбнулся и кивнул.

– А у южан у всех такой голос? – с любопытством поинтересовался Гриша, следуя за Ириной.

– Какой такой?

– Ну, тихий, как будто вот тут, – он показал на грудь, – молоко с мёдом и маслом смешали.

– Ого! – удивилась Ирина, не думала она, что её грудной сипловатый голос можно так красиво описать. – Спасибо!

– А вы правда сами готовите яичницу? – шёпотом, расширив глаза, снова задал вопрос Гриша.

Ирина рассмеялась и потянула на себя входную дверь.

– Ну конечно.

– Чудно! На Юге так принято? А люди вам зачем?

– На Юге и люди, и яры сами для себя готовят яичницу – это равноправие называется.

Гриша недоверчиво покосился на Ирину, не понимая, она смеётся над ним или правду говорит.

Глава 3. Птичий гомон

Ночь выдалась изматывающе тяжёлой. Владимиру снились кошмары, и он боролся с ними – молча и не просыпаясь, но ежечасно вздрагивая. Всё его тело вдруг напрягалось и как будто твердело, судорожно дёргалось и через секунду опадало. Он как будто находился на дне глубокой чёрной ямы и время от времени делал попытки выбраться из неё. Но только он приближался к выходу, как его снова утягивало вглубь. Ирина, наоборот, не могла погрузиться в сон, она всё время скользила на грани и готова была вот-вот провалиться в тёплое и обволакивающее. Она как будто лежала на поверхности воды, серые мелкие волны чуть накрывали её, но течение не утягивало в омут, напротив, её постоянно выталкивало на поверхность. Она открывала глаза и всегда попадала в тот момент, когда Владимир, стиснув зубы, беззвучно отбивался от бесплотных призраков, не выпускающих его сознание. Только под утро весь в холодном поту он прорвался в реальность.

Сидя в постели и пряча лицо в ладонях, он глубоко и тихо дышал. А за окном, протяжно воя, метался в снежной агонии ветер. Владимир запустил пальцы в чёрные кудри, и Ирина тут же закрыла глаза, притворяясь спящей. Северянин поднялся с кровати, и она ощутила на себе его недолгий взгляд. Когда в ванной зашумела вода, Ирина перевернулась на спину и в смятении посмотрела на потолок. Она вспомнила ночёвку на Той стороне и его внезапное ночное пробуждение. Что могло так изводить этого невозмутимого самоуверенного вампира – она не понимала. Она вообще не допускала мысли, что его может что-то тревожить или хоть сколько-нибудь волновать.

В фиолетовых предрассветных сумерках Владимир стал собираться в дорогу. Ирина украдкой следила за тем, как он тихо ходит по комнате, как неспешно застёгивает пуговицы рубашки. Свинцовая усталость тянула её в сон, но она понимала, что упускает последнюю возможность узнать о письме и Юге. В те несколько дней, что северянин провёл в замке, она так и не смогла выведать что-либо: он постоянно был занят, а когда оказывался рядом, она не могла перебороть раздражение. Каждая их едва начавшаяся беседа превращалась в перепалку, в которой Ирина старалась оттолкнуть, уколоть своего мужа, он же отвечал неизменным терпеливым спокойствием.

– Сутемь ещё, спи, – хриплым голосом вдруг сказал Владимир. – Я вернусь не скоро, – он взял пиджак, – в этом месяце можешь не уходить в лунную комнату. Но из спальни три дня придётся не выходить.

Изумлённая и смущённая Ирина только прошептала:

– Хорошо...

Владимир повернулся к ней лицом и предостерёг:

– Это правило, Ирина. Придумал его не я. В эти дни женщина не должна показываться сиверам...

– Я поняла.

Он вдруг остановился и взгляделся в её лицо, словно проверяя, она ли это.

– Я хотела спросить... – усаживаясь, робко начала Ирина. – Ты передал моё письмо?

– Да.

– Аврора не ответила?

– Нет, – Владимир сел в кресло и стал зашнуровывать ботинки. – Если ответит, письмо привезут в Волчью долину.

Ирина переплела пальцы и прижала их к груди, в которой неровными толчками забило сердце. Наблюдая за реакцией северянина, она сглотнула и как бы между прочим спросила:

– А что Виктор? Он ничего тебе не писал?

– У меня нет с Виктором дел, требующих переписки.

Она закусила губу и опустила руки на одеяло. Владимир с настороженным ожиданием посмотрел на сникшую жену.

– А что там происходит сейчас?

– Не знаю. У яров всё время что-то происходит. Мы не вмешиваемся в их дела. И ты не думай о них.

Ирина недоверчиво покосилась на Владимира – не похоже было, что он лжёт или хитрит. Хотя всё, что она слышала в Яром шипе о сиверах, говорило об обратном. Владимир накинул пальто и направился к выходу.

– Следи за своим здоровьем, – сказал он перед тем, как закрыть за собой дверь. – Если что-то будет беспокоить, обратись к Павлу. Катя приведет его.

Перед глазами Ирины возникла давешняя жуткая сцена в столовой. Она казалась фантастической, но при этом не менее явственной. Девушка тряхнула головой и передёрнула плечами. Вчера Катерина не показывалась на глаза, заменившая её Дара сказала, что она нездорова. Ирина не поверила в это, но облегчённо выдохнула: она тоже боялась встречи со своей служанкой. Хотя, конечно, сейчас её больше занимали другие беспокойные мысли. Ответ Владимира снова пошатнул веру в сговор брата и мужа. И, чтобы не обрушить её, Ирина углубилась в другие болезненные переживания.

Если верить тому, что говорил Владимир, то сиверам и дела нет до яров. От Александра она слышала противоположное. Но вот, будучи на Севере, она сама убеждалась, что о ярах тут не думают, иногда лишь посмеиваются над ними. Черновы занимались родовым бизнесом на Той стороне и на своей земле. Ни разу в её присутствии они не упомянули предстоящую борьбу с соседями, в то время как на Юге всё было пропитано этой темой. Слова Олега, гостя с древниц Анисима, открылись ей теперь с другой стороны. Он называл войну мифом, которым южан пугал настоящий враг. И под настоящим врагом он подразумевал её брата. Выходит, война нужна не сиверам, а ярам? Выходит, она не вынужденная? Она искусственно создаётся Виктором?

Ирина упала на подушку и, сдавив виски, крепко зажмурилась. Ей страшно было подпустить сомнения слишком близко, дать им волю и силу. Они, подобно змеям, могли отравить её, и тогда уже не устоять на ногах. Она постаралась вызвать в памяти тёплый образ Саши, чтобы заслонить им размышления. Но, как на зло, в голове нарисовалась неприятная картинка: полный кабинет учеников, в центре трибуна, за ней Александр. Он вдохновлён, разгорячён и... категоричен. Он рассуждает об особом пути яров и духовных ценностях, которые тысячелетия назад определил для своего народа Родослав, рассуждает о долге перед родиной и вынужденной борьбе с империей зла. Тогда Ирина не хотела вдумываться в смысл его слов, и потому они отпечатались в её мозгу невидимыми чернилами. Сейчас же, подсвеченные Владимиром, они наполнялись кроваво-красной краской... Александр убеждал молодых учеников в том, что каждого из них ждёт подвиг и что отдать жизнь за традиции и веру – честь. Может, северянин не так уж и не прав, говоря о «подножном корме»?

Злясь на себя, но больше на Владимира, Ирина откинула одеяло и встала. Эти запутанные мысли вытеснили сон, захотелось избавиться от них. Приняв душ, прибравшись в комнате и собрав вещи для задуманной вылазки, она прилегла на кровать и, обняв подушку, всё же задремала. Проснулась Ирина, когда солнце уже высоко стояло над горизонтом, а буйствующая за окном пурга стихла. Когда девушка открыла балконную дверь, в комнату вместе со свежим колким воздухом хлынул весенний птичий гвалт, от которого на душе стало светлее и спокойнее. Решив, что пока не будет делать какие-то далеко идущие выводы, а при встрече с Катериной просто сделает вид, будто ничего не было, Ирина спустилась на кухню.

Работницы, внешне приветливые и любезные, на самом деле не обрадовались ей. Ирина чувствовала их молчаливое сопротивление и недовольство, но надеялась постепенно сгладить все углы. Катерину же как будто подменили, вела она себя, мягко говоря, странно. Она не

стыдилась и не скрывалась, как того ожидала Ирина, не терялась в словах, не прятала глаза. Наоборот, она громко смеялась, развязно отвечала на вопросы и смотрела на хозяйку с открытым вызовом. Растерявшись, Ирина подумала, что у неё ум за разум заходит, что давешнее ей приснилось или она от скуки сама всё выдумала. Но почти сразу поняла, что зря сомневается в своём рассудке: Катерина таким образом говорила с ней, заявляла, мол, не боюсь тебя.

– Экая завируха ночью поднялась! – напряжённым неестественным голосом сказала Марья.

– Опять все дороги замело! – согласилась её гнусавая помощница.

– Лишь бы Владимир Вячеславович добрался до долины, – небрежно откликнулась Катерина. – Всегда он так: если что задумал, не усидит на месте – ни вьюги, ни ночи, не побоится. Потому зима и бережёт его!

Этой пустой беседой работницы отгораживались от раздражающей их хозяйки, и она это считывала, потому не вступала в разговор. Предвкушая запланированное с Гришей путешествие, она молча варила свою пшеничную кашу и радовалась, что Владимир уехал: никто теперь не мог помешать ей выбраться из замка и осмотреть окрестности. Грише она солгала, сказав, будто муж разрешил ей самой отправиться пешком в деревню. Мальчик от этой новости был на седьмом небе от счастья: ему нравилось болтать с женой хозяина, к тому же его отец сорвал спину и поход в замок дался бы ему нелегко. Казалось, ничто не могло испортить Ирине настроение, даже оборонительная тактика Катерины, если бы не один неприятный эпизод.

Убрав после завтрака за собой тарелки, Ирина стала собирать в заплечный мешок еду. Когда она потянулась за тяжёлым кругом сыра, чтобы отрезать кусочек, Марья вдруг всполошилась.

– Не трогайте его! Он ещё не прошёл проверку.

– Какую проверку? – Ирина закрыла дверцу холодильника.

– Владимир Вячеславович перед отъездом приказал проверять все продукты, которые привозят для вас с Юга.

– Зачем?

– Он не хочет, чтобы вас травили, – бойко ответила за Марью её помощница.

– Не бойтесь, все блюда так же будут под моим контролем, – пряча обиду, с нотками гордости заявила главная кухарка. – Я сама буду проверять всю приготовленную нами еду.

– Понятно. Владимир Вячеславович – великий сказочник, – Ирина снова открыла холодильник.

Не успела она просунуть руку, как Катерина довольно грубо надавила на дверцу, и та захлопнулась. На кухне воцарилась тишина. Ирина медленно обернулась к служанке и вопросительно на неё посмотрела.

– Здесь исполняются приказы Владимира Вячеславовича. Разве не вы сами боялись отравления?

– Ирина Анатольевна, – засуетилась перепуганная дерзостью Катерины Марья. – Возьмите вот этот сыр, он ничуть не хуже!

К счастью, подоспевший вовремя Гриша освободил Ирину Анатольевну от этой компании. И через четверть часа они вдвоём весело шли по расчищенным дорожкам Чёрного плюща.

– Называй меня просто Ирина, без отчества, – попросила мальчика девушка, когда они миновали высокие каменные стены внутреннего двора.

– Накажут! – Гриша поправил съехавшую на глаза шапку, которую ему накануне отдал Владимир.

– Почему? За что?

– На Севере такое недозволительно! Это, наверно, у вас на Юге снег на огне жарят, а у нас люди уважают хозяев.

– Что, снег на огне жарят? – смеясь, переспросила Ирина.

Но Гриша в своём горячем порыве не заметил её вопроса.

– Мы вот всегда показываем, что знаем историю, – важно продолжал он. – Вот, смотрите, меня Алёнка научила: Воронцовы почти все Брониславичи, а сам Бронислав – Светович; Вишняковы – Александровны и Светлановны, их семьёй сейчас правит Мария Светлановна; Черновы – Мстиславовичи или Вячеславовичи. Только Владимира Вячеславича называют и так, и так.

– Почему?

– Вы правда не знаете? – насторожился Гриша. – Вы же его жена! Владимир Вячеславович, – он перешёл на шёпот, – обращённый полукровка. Его мать была такой же, как мы, а отец – сивером. Но обратил его Мстислав Иванович. Раз он подарил ему бессмертие и жажду, значит, он ему и отец, хотя по-нашему дядя... Понимаете?

– Ну, вроде... А что, полукровки смертны? И они не пьют... ну...

– Конечно! Они чем-то похожи на вас, южан... Хотя считается, что они даже хуже людей, поэтому умные не разбалтывают о себе правду. Это запрещено!

– Быть полукровкой? Так если ты родился таким, то что теперь с этим сделать!

– Да нет! Запрещается человеку и сиверу быть вместе, жениться там и всё такое, как это сделали родители вашего мужа! Это приводит к вырождению всего племени и превращает северяян в...

– Яров? – догадалась Ирина. – Глупости! Для такого превращения нужны столетия мутаций. Если вообще это сейчас работает. А... – она смолкла, не успев задать вопрос.

Навстречу им по пригорку подымался молодой сивер из рода Черновых.

– Демьян Мстиславич, – Гриша испуганно потупил голову.

– Куда ты? – прищурившись, словно узнавая невестку, спросил Демьян.

– В деревню к мастеру, – с гулко бьющимся сердцем вымолвила Ирина. – Владимир сказал разобраться с обувью.

– Взяла бы машину.

– Он хочет, чтобы я больше гуляла, дышала свежим воздухом. Я болела...

– Ясно. Доброго пути.

– Спасибо...

Когда северянин прошёл мимо, Ирина выдохнула и вытерла вспотевшие ладони о брюки. Гриша боязливо покосился на неё. От страха она потеряла нить разговора, потому попросила маленького спутника рассказать о себе.

Дорога оказалась неблизкой, Ирина многое успела узнать о Грише и быте людей на Севере. Семья её нового знакомого жила на самой окраине деревни и держала мастерскую по пошиву обуви и других кожаных изделий. Двое из троих старших братьев вместе с Гришей помогали отцу. Мать Гриши зарабатывала шитьём и украшала одежду сиверов родовыми узорами. Мальчик с гордостью рассказывал, что она лучше других мастериц умеет в рисунках передать историю заказчика. За своё дело семья ежемесячно платила Черновым налог: когда дела шли хорошо, можно было откупиться деньгами, когда начинался период застоя, приходилось сдавать кровь в больнице Павла Фёдоровича (это единственный Чернов, которому позволили сохранить своё человеческое отчество).

Ещё один старший брат Гриши работал на стройке, организованной Владимиром в Волчьей долине, а сестра учила детей в недавно организованной деревенской школе – это был налог на жизнь, который каждая семья должна была платить хозяевам. Раньше несколько детей из дома становились донорами Черновых, но в последние полвека кровь всё чаще «откуда-то привозили в пакетах» и непреложное донорство заменили на обязательные работы. Чаще всего оплачивали жизнь рода старшие дети. «Доноры» не могли выбирать профессию по душе, они занимали «открытые места» и получали минимальную плату: так в семье Петровых Алёна стала учительницей (к счастью отца и матери, местной школы), а Иван – строителем. Туго

приходилось бездетным семьям, но хуже всего жили те, кто прослыл полукровками, – кровь таких людей считалась грязной и непригодной для питья. Испустить свою вину они могли только самым тяжёлым трудом, чаще всего на фабриках и заводах. На вопрос Ирины о том, обладают ли они особыми способностями и силой, как некоторые яры и сиверы, Гриша ответил, что северные полукровки совершенно не отличаются от людей.

До Уголька (так ласково называли деревню Серые Уголья жители) шли около часа, за оживлённой беседой Ирина не заметила расстояния и времени. Когда они свернули с ровной покато́й полосы в противоположенную от Чёрного бора сторону, идти стало сложнее. Работники очистили только дорогу, ведущую к замку и прилегающим коттеджам новообращённых, сама же деревня была занесена искрящимся на солнце снегом. Увязая в сугробах и беспрестанно щурясь от их ослепительной белизны, Ирина старалась идти по следам Гриши. На первой улице деревни она немного отстала, рассматривая бревенчатые дома, из ажурных окон которых выглядывали испуганные и любопытные лица.

Серые Уголья напоминали Ирине разномастную трущобу, совсем не похожую на Ярый дол с его одинаково аккуратными каменными домиками, цветущими палисадниками и лужайками. Здесь сразу было видно, крепко ли держится семья и есть ли в ней мужчина, способный поправить ограду или расчистить дом от метрового сугроба. И всё же было в Уголке своё особое самобытное очарование. Ирина никак не могла понять, почему чувствует здесь какую-то таинственную сказочность. Но, приглядевшись к резным наличникам, она увидела в них не просто узоры, а сцены, которые выстраивались в сюжеты. Особенно ей запомнились два оленя: с ветвистыми рогами держал на спине солнце, без рогов – луну.

Дом Петровых прятался в тени сосняка, отрезанного от Чёрного бора дорогой и деревней. За этим сосняком простиралось широкое сонное озеро, на котором Гриша с братьями и сестрой катался на коньках. После вздохов спутницы мальчик пообещал сводить на него Ирину и даже дать ей старые коньки Алёнки, если она захочет. Едва они подошли к шерба́тому заборчику, как им навстречу, поджимая хвосты и бестолково лая, бросились четыре взрослых лохматых щенка. Их мать, старая сука с выпирающими рёбрами и впавшими боками, только слабо тьякнула из будки. Поднявшийся шум спугнул с ранетки стайку верещавших свиристелей. В занавесках окошка мелькнуло бледное лицо и через мгновение на крыльцо высыпала вся семья – рано постаревшие, но сохранившие красоту в лицах Глеб и Рада и их невысокие кучерявые сыновья-погодки Илья и Фёдор. Прикрикнув на глупых щенков, Рада сцепила руки и нервно улыбнулась гостье.

– Добро пожаловать, – придушенным голосом поздоровалась она. – Проходите, пожалуйста!

– Здравствуйте, – краснея от неловкости, ответила Ирина.

Она догадалась, что Петровы готовились к её приходу с самого утра. Для встречи особой гостью они выбрали свои лучшие наряды: чистые и аккуратные, но аляповатые и заметно поношенные.

В доме Петровых была наведена идеальная чистота: все вязаные половички были повернуты своей лучшей стороной, на деревянных стульях лежали новые, как будто за ночь сшитые подушечки из тканевых обрезков, стол был накрыт неестественно белой скатертью, которой, как догадалась Ирина, никто здесь никогда не пользовался. Эта скатерть выглядела чужеродно в тусклой и бедной обстановке, как если бы посреди зелёного леса вдруг появилась полянка с сугробом. На столе, подобно старательно разложенному реквизиту, стояли тарелки с варёной картошкой, жареной рыбой и ватрушками с брусникой. Среди всего этого скромного богатства особое место было отведено вазочке с тремя шоколадными конфетами – она громоздилась на вязаной красной салфетке в самом центре. На это угощение домочадцы поглядывали как на сокровище, которым могли гордиться. Предлагая гостье еду, сами Петровы ни к чему не прилагались, хотя Ирина видела, что они тоже голодны.

Не желая их объедать, она простодушно достала из заплечного мешка продукты, которые взяла с собой на перекус. Заметив оторопь Петровых, она поспешила уверить их, что это «просто так», мол, с пустыми руками в гости не ходят. Рада стыдливо покраснела и несмело запротестовала, однако Ирина настояла на своём, сославшись на традицию. Глеб, чтобы сгладить ситуацию, тут же предложил Илье сшить для Ирины Анатольевны вместо мешка удобный рюкзак, ведь младший хозяин с лихвой оплатил заказ, да и сами Петровы будут рады сделать скромный свадебный подарок новой северянке. Ирина согласилась с этой уловкой, позволяющей Петровым не чувствовать себя должными, и на радостях взяла со стола ватрушку. Пока взрослые обсуждали подробности и сроки заказа, Гриша, не в силах больше терпеть, воспользовался моментом и воровато потянулся к вазочке. Но этот жест не ускользнул от внимания бдительной матери.

– На Юге тебя что ли нашли! – одёрнула шёпотом младшего сына Рада. – Ты совесть лету продал? Это для гости.

– Ой, нет! Спасибо, – с трудом оторвавшись от выпечки, вступилась за Гришу Ирина. – Я не хочу! – увидев огорченное лицо женщины, старавшейся угодить ей, она добавила: – Ваши ватрушки просто изумительные! Честное слово, я никогда ничего вкуснее не ела! Тесто нежнейшее!

Тронутая словами гостьи Рада смущённо отмахнулась и с восторгом принялась описывать ягодное богатство северной земли. Но скоро эта тема иссякла, и беседа снова стала скованно-неловкой. Ирина чувствовала сердечное расположение хозяев, но с ним и благоговейный страх. И этот их страх, это раболепие перед ней, в сущности, просто девчонкой, как заноза под ногтем, не давали ей покоя. Хотелось скорее вытащить эту занозу: показать Петровым, что она, Ирина, относится к ним с большим уважением, как к равным, хотелось, чтобы всё стало хорошо и легко. И всё же они никак не хотели называть её иначе, чем «молодая хозяйка» или «Ирина Анатольевна».

Фёдор, приятной наружности молодой человек, не глядя в глаза гостье, краснея до самых ушей, замерил длину, ширину и подъём её стоп. При этом он всегда наклонялся так, чтобы спрятать от неё свои грубые серо-коричневые руки. Он стыдился того, что от постоянного труда грязь въелась в них так, что не отдиралась даже щёткой. Когда Фёдор отдал мерки отцу, Ирина с вдохновением обсудила с Глебом модели, цвета и материал. К её восторгу, мастер мог сшить не только сапоги и ботинки, но и летние кеды. Обсудив детали рюкзака с Ильёй и узнав у Рады рецепт ватрушек, девушка вежливо поблагодарила домочадцев за гостеприимство и стала прощаться. Она понимала, что стесняет Петровых, что из-за неё они не могут естественно говорить друг с другом и заниматься привычными делами, коих у них было немерено. Она знала, что своим уходом освободит их от волнения и неловкости.

Грише было поручено проводить Ирину и занести в замок для Варвары Мстиславовны готовую пару обуви, заботливо спрятанную в полотняный мешок с вышитым земляным выюром. Обратный путь занял больше времени, потому что шли в гору и постоянно отвлекались на чёрного щенка, который увязался за ними. Ирина бросала ему свою варежку или палку, а он, глупый, бегал за ними, и вместо того, чтобы вернуть хозяйке, убегал от неё. Ирина, догоняя и ловя его, хохотала от всей души. Ей казалось, что так много, так легко и свободно она не смеялась уже целый год, а то и несколько лет.

– Уф! – суеверно вдруг притихла она. – Будешь много смеяться – много плакать будешь.

– Это у вас на Юге так говорят? – любопытствовал Гриша.

– Нет, на Той стороне, в моём мире, где я родилась и выросла. Так меня бабушка в детстве умиряла, когда я слишком расходилась.

– В каком мире? – не понял её мальчик.

Ирина опешила от такого вопроса, она даже остановилась, забыв про улупётывающего щенка.

– Ну как? Наш мир, мир людей, параллельный или как правильно сказать? Ну, его называют Та сторона, – объяснила она. – Ты никогда не проходил через границу на Ту сторону?

– Нет. Нам запрещено выезжать из деревни. За такое могут казнить, – безмятежно ответил Гриша и стал терпеливо разъяснять неучёной хозяйке всем известное: – Нужно согласие и направление сивера. Вот Ванька может уехать, только потому что Владимир Вячеславович выписывает ему разрешение. А вообще «коридоры» только для хозяев. И они ведут не на Ту сторону, как у вас говорят, а на другой конец нашей земли или земли Вишняковых, или... убереги меня кровь, – на секунду зажмурившись, он быстро ущипнул себя и закончил: – Медведовых.

– Да нет же! Некоторые коридоры, как ты говоришь, – мостики между областями вашего мира. Но есть те, которые ведут в мир южан и в мир людей. Понимаешь? На Той стороне живут только люди... Хотя... Наверно, там и сиверы обитают, и яры. Но люди там главные, понимаешь?

Гриша звонко расхохотался.

– Там нет рабов и хозяев, как здесь, – раздражаясь, спешно продолжила Ирина. – Вернее, где-то, наверно, есть... Но это незаконно! Хотя и в обычной жизни иногда получается так, что ты, как раб, должен делать то, чего не хочешь... Но это образно говоря! Ты что, мне не веришь? Гриша, я серьёзно!

– Бабушка тоже рассказывала нам сказки и легенды про такой мир, – Гриша вытащил из пасти щенка варежку и протянул её хозяйке.

– Какие сказки! Это правда! Я там родилась! С ума сойти... Вы даже не знаете, что есть другая жизнь, другой мир...

Ирина принялась жарко и сбивчиво рассказывать про свой мир, про город, в котором выросла, про школу и кружки, про детство... Гриша сначала недоверчиво косился на неё и смеялся. Забывшись, он даже осмелился задать пару шуточных вопросов, но потом вдруг умолк и помрачнел. Он слушал её с большим и в то же время болезненным вниманием, словно желая поверить, но боясь быть обманутым, словно в нём давно таилась вера в «легенды» бабушки, и сейчас Ирина пробуждала его глубинные скрытые мечты. Она распялялась до самого замка и только у ворот наконец замолкла, заметив подавленность Гриши. Испугавшись, Ирина спросила, всё ли в порядке, и мальчик, не глядя на неё, молча кивнул. Попросив его перед уходом заглянуть на кухню, Ирина оставила его у центрального входа, сама же побежала к чёрному, чтобы никто не мог отвлечь её или помешать.

Когда она прошла через холодный коридор и приблизились к двери на кухню, то услышала смех и женскую перебранку.

– Опять вообразила себя представительницей северных кровей! – грубо подначивал глухой женский голос Марьи.

– Завидуйте! – зло и горделиво откликнулась Катерина. – Я-то знаю, что мой прапрадед был северянином! Из рода Волковых!

– Ну хоть не из Черновых!

Раздался дружный женский хохот. Ирина сжала пальцами ручку, но тут же их разжала и стащила с головы шапку. Ей неудобно было войти и прервать работниц, но и подслушивать было тоже некрасиво. Она хотела вернуться к Грише и пройти на кухню через дом, но как будто приросла к земле.

– То-то она расстилается перед молодым хозяином! – раздался за дверью визгливый голос одной из горничных. – Видно, ровню в нём увидала.

– Перестаньте... – робко попыталась вмешаться Дара.

– Он тоже полукровка! – закричала Катерина.

– Тоже, – передразнила её Марья. – Обращённый! Он сивер. Нашла чем бахвалиться, дурёха! – уже мягче добавила она. – Держи слова свои в чёрном кармане, не то себе же худо сделаешь.

– Людям могут многое запретить, но не говорить и не чувствовать!

– Ишь какая важная! Ты каждое его слово теперь будешь повторять? Ты снег-то напрасно не топчи у закрытой двери. Не видишь, какой он дурной стал из-за этой южанки? Больно тебе поможет закон Чернова. Пусть он сам его написал, но не для тебя лично, – уже с материнской заботой посетовала Марья.

– Тебя, Катька, с твоим прапрадедом, может, за Медведя сосватают? – не унималась молодая горничная. – Они любят полукровок плодить.

Оглушительный треск заставил Ирину вздрогнуть и поёжиться. Очевидно, это Катерина, выбегая из кухни, хлопнула дверью.

– Прекратите её дразнить! – хмуро возмутилась Дара.

По звукам Ирина поняла, что девушка вышла следом, а Марья зашептала с товаркой. Смысла дальше прятаться уже не было, и она повернула ручку. Напугав кухарок, Ирина перешагнула порог и, не глядя на растерянные лица, попросила Марью помочь ей собрать продукты в заплечный мешок.

– А шоколад есть? Конфеты? – суежилась Ирина, утрамбовывая собранное.

Марья беспрекословно подала ей конфеты. Когда на кухню через чёрный ход пришёл Гриша, Ирина отдала ему мешок с продуктами.

– Гриша, это лучший мой день на Севере, – честно призналась ему Ирина. – Спасибо тебе и твоей семье. Если вы не против, я буду рада прийти к вам снова. Мне у вас очень понравилось! И, если ты не передумаешь, я бы сходила с тобой на каток.

– Хорошо... – мальчик потерянно заморгал.

– И это... Прости меня, пожалуйста... Ну, если я тебя расстроила.

Глава 4. Закон Чернова

Попрощавшись с Гришей, Ирина ушла в свою комнату. Переодевшись в домашнее платье, она забралась в кресло и поджала под себя ноги. В монотонной сумеречной тишине она долго перебирала впечатления прошедшего дня, пока не застопорилась на подслушанном разговоре. Именно сейчас до неё дошёл смысл слов и поступков её служанки. Катерина убеждала себя и других в том, что она полукровка. Она не боялась быть раскрытой, она гордилась своим происхождением. Ведь оно выделяло её среди других и делало похожей на Владимира. Вероятно, поэтому она пила кровь из его бокала. Ирина поморщилась, мотнула головой и провела ладонями по лицу: нет, она не хотела бы стать такой, как он, ни за что на свете!

Катерина повторяла то, что, по всей видимости, заявлял сам Владимир... Неужели он действительно считал, что людям нельзя запретить говорить и чувствовать? Как будто его очень волнует судьба рабов! Конечно, на самом деле Ирина не знала, насколько он вовлечён в жизнь людей... Но зато не сомневалась, что её судьба не даёт ему покоя! Даже Марья на кухне сказала, будто он стал дурным из-за «этой южанки». Ощувив прилив жара к щекам, Ирина фыркнула и поднялась с места. Что бы это ни значило, она точно не хотела в это погружаться! Меряя комнату шагами и кусая костяшки пальцев, она думала о Севере. Ей хотелось выговориться, рассказать кому-нибудь о своих наблюдениях, но рядом не было ни Авроры, ни... Александра.

Устав от этого замкнутого молчаливого одиночества, Ирина вышла из спальни и столкнулась с Дарой.

– Вам что-нибудь нужно? – улыбнулась как всегда приветливая девушка. – Позвать Катерину?

– Нет! Дара, ты можешь провести меня в кабинет Владимира? Я ещё не очень хорошо ориентируюсь.

– Конечно!

В кабинете Ирина достала бумагу и ручку и сделала первую запись в своём дневнике.

Складывая листы книжечкой, она писала до глубокой ночи. Получалось сумбурно и путано: накопилось слишком много всего невысказанного. Под впечатлением от похода в деревню Ирина первым делом попыталась собрать всё, что узнала о жизни людей на Севере: тотальная несвобода, рабские налоги, насилие, страх, неведение... Она описывала и комментировала всё, что видела своими глазами и слышала своими ушами. Ирину так захватило это занятие, что она не заметила, как одеревенело её тело. И только когда в ручке закончились чернила, девушка обнаружила на подушечках пальцев ямки и ощутила боль в плечах и пояснице – пора было заканчивать. Быстро собравшись, Ирина погасила свет и тихонечко выскользнула в коридор. Ей пришлось немного поплутать, прежде чем она нашла спальню. День так измотал Ирину, что едва её голова коснулась подушки, она тут же провалилась в глубокий крепкий сон.

Проснувшись после обеда, она ощутила резкий спазм внизу живота и рванула в ванную – начался её женский цикл. Когда горничные пришли сменить постель, вялая Ирина попросила Дару встретить Гришу и передать ему, что она приболела и просит его прийти дня через четыре. Выполняя наказ мужа, Ирина не показывалась сиверам на глаза. Всякий раз, принося еду, Катерина недовольно бурчала из-за несоблюдения правил и лунной комнаты. Чтобы её унять, Ирина попробовала сослаться на Владимира, но это не возымело результата. Тогда в ответ она стала зарываться в одеяло или просто накрывала голову подушкой – как бы Катерина её ни раздражала, она не хотела ей грубить. К тому же Ирине было так плохо, что она могла только сворачиваться калачиком и молчать. Оставаясь одна, она спала или лежала, уткнувшись тупым взглядом в книжку легенд, которую накануне предусмотрительно стащила из кабинета мужа.

К концу второго дня Ирине стало гораздо легче, и она вернулась к дневнику. Теперь она писала о противоречиях и, чтобы не запутаться и ничего не упустить, рисовала схемы. Нужно было изложить все доводы, чтобы понять, есть ли сговор между братом и северянином, правда ли сиверам не интересен Юг и не нужна война, почему Саша убеждал её и других в обратном, действительно ли он свято верит в великую войну. Ирина набросала и другие вопросы, которые также занимали её. Что случилось с журналистом Тарасом и является ли он сивеяром? Кто и зачем отправил порченных в эту спальню? Что такое «закон Чернова»? Что снится Владимиру, чего он боится и что его беспокоит? Ответов Ирина, конечно, не нашла, но зато освободила голову.

Многие вопросы дались ей тяжело, однако самым сложным оказалось найти тайник для дневника. Ирина не придумала ничего лучше, чем спрятать его в ящике под своим нижним бельём. Уж там, она надеялась, ни Катерина, ни северянин не найдут её записи. Вместе с дневником она убрала и найденное в сумочке стихотворение Александра. Она не перечитывала его, но перед сном, лёжа в темноте и глотая слёзы, часто повторяла одни и те же строки:

*Когда я сном, словно диким плющом, обвит,
Твой голос находит меня в немой тиши
И шепчет упрямо: «Проснись! Пробудись! Дыши!»
Я знаю, что жив. И не буду никем убит.*

Наконец затворничество Ирины закончилось, и она отправилась на прогулку. Гриша встретил её в бодром и весёлом расположении духа. Стараясь не выдавать свою заинтересованность, он осторожно расспрашивал её про другой мир. Она отвечала неуверенно и с опаской – боялась снова расстроить его. Но постепенно они так увлеклись, что вместе стали фантазировать, кем Гриша мог бы стать на Той стороне. Узнавая о разных профессиях, мальчик воображал себя то полицейским, то спасателем, то адвокатом... Дошли до того, что Ирина, сама того не заметив, пообещала помочь ему сбежать на Ту сторону, когда он вырастет.

– Пусть это будет наш маленький южный секрет... – тихо произнесла она фразу, которую когда-то слышала от Александра, и тут же что-то тяжёлое невидимым камнем легло ей на грудь.

– Тогда уж северный! – Гриша широко улыбнулся и повёл Ирину по протоптанной тропинке в обход от копающейся в рыхлом снегу отары овец.

Они углублялись в густой сосняк.

– Я постараюсь что-нибудь придумать... – упёрто заявила своей совести Ирина и, наклонившись, пролезла под хвойной лапой. – Гриша, а что ты знаешь про закон Чернова?

– О, ма с отцом поженились, благодаря этому закону! Его придумал Владимир Вячеславович. Он же раньше помогал Мстиславу Ивановичу на Совете, но это было ещё до моего рождения.

– Не поняла...

– Ну, раньше, чтобы жениться, людям нужно было просить разрешения у хозяев, а теперь нет. По этому закону мы сами можем решать.

– Крепостное право какое-то!

– Угу... – не расслышав толком, подтвердил Гриша. – Это называется «право выбора» или «право чувства». Ма рассказывала, что бабушку за деда заставил выйти Мстислав Иванович. Она сопротивлялась, даже пробовала сбежать в Зазимки. Её поймали, но почему-то не казнили, только сильно наказали. Потом она смирилась. Но всё равно с дедом они плохо ладили.

– А разводиться вы можете?

– Как это?

– Разрешается ли мужу и жене, если у них что-то не так, разойтись и жениться на ком-то другом?

– А-а-а, – Гриша остановился и, подняв руку козырьком, загляделся на большого пёстрого дятла. – Нет, конечно! Семья – это дерево: оно растёт на одном месте, его ветки и корни не могут оторваться и прирасти к другому дереву. Правда ма считает, что часто деревья крепко стоят в земле, хотя мёртвые внутри. Но хозяевам это не важно: главное, что каждое дерево растёт отдельно, корни отвечают за ветви – это порядок.

– Но ведь это только внешний порядок! А что внутри происходит? Если люди не хотят быть вместе, а их заставляют, что из этого хорошего будет?

– Ну да, – согласился Гриша. – У Любомира вот отец... ну это, мать бьёт.

– И что, его за это не наказывают?

– Нет. Если дерево хорошо растёт и приносит плоды, нельзя его корни ломать. Это правило.

– Стрёмное какое-то правило! – вскипела Ирина. – Люди должны иметь право разойтись!

– Владимир Вячеславич про такое говорил в Совете, но другие главы не согласились, ведь свобода распускает человека. Алёнка объясняла нам это на уроке. Ну, что люди должны соблюдать законы жизни, чтобы не превратиться в нежить после смерти. Ма с ней спорит, она не верит в это. Иногда они даже ссорятся. Ма ругает Алёнку, говорит, что она пугает детей страшными сказками, вместо того, чтобы объяснять правду.

– Какую правду?

Лицо Гриши вдруг побледнело, глаза испуганно забегали.

– Гриша? – Ирина переняла в другую руку одолженные Петровыми коньки. – Это останется между нами. Я никому ничего не скажу. Только от тебя я могу узнать, как тут всё устроено. Мне больше не с кем поговорить.

– А ваш муж?

– Скажем так... мы с ним, как твои бабушка и дедушка.

Гриша недоверчиво нахмурился.

– Разве Владимир Вячеславович не дал вам право выбора?

Ирина закусила губу: в сущности, мальчик был прав, и Владимир не заставлял её выходить за него. Но ведь она не хотела становиться его женой и уезжать на Север, она была вынуждена это сделать.

– Тут всё сложно... Так что думает Рада?

– М-м... Ма думает, что... человек может быть счастлив один, даже без детей! Но он должен слушать хозяев и жениться, должен рожать много детей, потому что большая семья платит хороший налог. Нам не дают выбирать, потому что мы захотим больше свободы! Захотим сами решать... ну... не только с кем жить, но и где, как, кем нам быть. Она говорит: Алёнку неправильно научили, она не понимает, что человека свобода сделает счастливее и сильнее. Один раз они очень сильно ругались, и я слышал, как ма сказала, что свобода превращает в нежить только тех, у кого её слишком много, кто не умеет с ней обращаться, и что человек без свободы ещё при жизни вырождается в нежить, просто внешне этого не видно. Они после этого месяц дулись друг на друга.

– Ого...

– Только вы никому не говорите! Отец сердится на ма за такие мысли, потому что они толкают её под лёд, ей нужно держать их в чёрном кармане. Иногда он, конечно, смеётся, что она на место в Совете метит.

– Слушай, Гриш, ты сказал, что Алёну неправильно научили...

– Ма так считает.

– Ага! А кто её научил?

– Хозяева. Она же много лет ходила на специальные занятия, чтобы стать учителем.

– Ммм. Ясно. А что это за Совет?

– В нём главы всех кланов Севера, они придумывают законы, проводят суды над провинившимися сиверами.

– И людьми?

– Нет. Людей рассудит хозяин и главы семьи, – Гриша спрятал руки в карманы и двинулся в путь, впереди уже показалось озеро. – Нам повезло, на нашей земле хотя бы есть законы Владимира Вячеславовича.

– Законы?

– Их несколько, но они объединены одним названием «закон Чернова», ну как связка хвороста.

– А что значит «на нашей земле»?

– На земле Черновых. Владимир Вячеславович уговаривал других принять наш закон, объяснял, что «право обучения» и «право помощи» очень выгодны хозяевам. Но ничего не получилось, их одобрили только Белоозёровы и Вишняковы. Хотя мама слышала, что у них они исполняются так же, как у нас «право слова», – Гриша внезапно умолк и ускорил шаг.

Ирина ждала продолжения, но её друг молчал, он испугался, что опять сболтнул лишнего. Она не стала наседать и снова заговорила, когда они вышли на берег бескрайнего Чёрного озера. Глядя на видневшийся вдали железнодорожный мост, Ирина спросила:

– А куда он ведёт?

– В город. Много куда, – без охоты ответил насупившийся Гриша.

– А что это за «право слова»?

Мальчик стянул с плеча связанные шнурками коньки и запыхтел с ними.

– Я никому ничего не скажу... Правда! Тебе не надо меня бояться.

Он торопливо огляделся, проверяя, что их никто не подслушивает.

– Владимир Вячеславович считает, что нельзя запретить человеку чувствовать и говорить...

– Я слышала такую фразу от девушек в замке.

– Ещё бы! У нас многие его слова наизусть знают. Это право разрешает людям обсуждать всё, о чём они думают. И даёт защиту от суда и наказания, если кто-то сообщит хозяевам, ну, понимаете... о неправильных...

– Доносы? – воскликнула Ирина.

– Тише! Не кричите.

– Прости...

Они сели на прибитую к берегу корягу и стали расшнуровывать ботинки.

– И как, работает это право? – шёпотом спросила Ирина.

Гриша пожал плечами и сунул ноги в коньки.

– Работает... Но людей всё равно наказывают... Судят «за приверженность к крайним взглядам, толкающим на преступление против основ строя и безопасности Севера», – чётко отрапортовал он.

Ирина так и застыла с открытым ртом.

– И Владимир Вячеславович судит? – она зло сузила глаза.

– Нет, этим распоряжается Мстислав Иванович. Но лучше бы Владимир Вячеславович...

Он справедливый. Но теперь он только строит дома. Из Совета его изгнали. Для нас это очень плохо – больше изменений не будет. Но ма говорит, что иначе и быть не могло, он ведь против ветра шёл.

– У тебя очень мудрая мама...

– Знаю, – просиял Гриша, и на щеке его появилась ямочка. – Её очень многие слушают! К ней всё время кто-то приходит за советом или когда плохо. Когда Дару обидели сильно, она к ма сразу пришла.

Стремительно пролетели последние зимние дни. За плечами Ирины оказался целый северный май, впереди её ждал такой же снежный июнь. Дневник Ирины пополнялся новыми записями и быстро превращался в распухающую книжку. В нём она, благоразумно не называя своего «осведомителя», писала о «праве выбора» и «праве слова». Её возмущало то лицемерие, с каким обвинённого по доносу оправдывали благодаря закону Чернова, но тут же осуждали по другой статье. Тут сами собой напрашивались сравнения и аналогии, но Ирина, к своему изумлению, не могла их сформулировать. Для неё стало открытием то, что она совершенно ничего не знала о судебной системе Той стороны и Юга. Сейчас это казалось диким и ненормальным. Даже не знающая другого мира Рада понимала больше её! В Раду Ирина просто влюбилась, она восхищалась мудростью, силой и острым юмором этой на вид тихой и несмелой женщины.

С июнем снег стал быстро сереть и оседать. Колючая, свалывшаяся на дорогах шерсть под ослепительным солнцем быстро таяла. Владимир всё не приезжал, и свободная от его надзора Ирина продолжала исследовать территорию Чёрного плюща. Набив едой украшенный Радой мешок, она перебрасывала его через плечо и убегала из замка к Грише. Вместе они кормили и изучали в бору птиц, играли с Нуаром (так Ирина назвала самого прилипчивого щенка), катались на коньках. Даже немногословный Фёдор, набравшись храбрости, однажды составил им компанию. Забыв о своём смущении, он уверенно скользил по исполосованному озеру, набирая скорость скрестным шагом и плавно описывая круги. У него выходило так умело и красиво, что Ирина не могла удержаться от восторженных восклицаний. Когда они долетали до Фёдора, он вдруг спотыкался и останавливался. Раз она попросила его научить её бегу спиной вперёд, и он, краснея и запинаясь, попытался что-то показать и объяснить. У Ирины выходило плохо, и она громко хохотала над собой, заражая своим смехом братьев.

Но это затишье оказалось обманчивым и временным. Даже оно, как это бывает перед грозой, было пронизано напряжением. Варвара и Мстислав, словно сговорившись, донимали Ирину насмешками и странными намёками. Катерина тоже по-своему досаждала ей: в самые безоблачные минуты служанка нелепым замечанием или глупым спором легко портила ей настроение. Иногда Ирине начинало казаться, что Катерина таким способом ведёт с ней подпольную войну. Конечно, она старалась избегать ссор: молчала или отвечала коротко и вежливо. Чужие обидные слова она пропускала мимо ушей, однако исподволь они расшатывали её равновесие и раздражали и без того натянутые нервы. В какой-то миг она не выдерживала, и её накрывало чувство беспредельной усталости. Она вдруг отчётливо осознавала, кто она и где находится. В груди током расходилась острая боль, дышать становилось труднее, голова отключалась. Ирина закрывалась в спальне, забивалась в угол и, сжавшись в комочек, плакала горько и навзрыд.

Обычно такие приступы длились недолго. Мало-помалу она впадала в оцепенение, часами глядела в одну точку, пока сон не проглатывал её сознание. На утро она просыпалась разбитой и опустошённой, но всё равно собиралась и сбегала в Серые Уголья. В доме Петровых ей было уютно и спокойно, там к ней уже привыкли, при её появлении перестали бросать свои дела и строиться по струнке. Хотя Глеб и Рада по-прежнему немного волновались и с большим смущением принимали приносимые Ириной продукты. Девушка нарочно брала больше, чем нужно, и «остатки» после прогулки оставляла у Петровых, объясняя тем, что «завтра пригодится», но на завтра приходила с новой провизией. Это было небольшое, почти незаметное расточительство, и всё же, к несчастью Ирины, оно не осталось незамеченным.

Одним ясным солнечным днём, предвкушая очередной поход в деревню и мурлыкая что-то себе под нос, Ирина спустилась на завтрак. Еду она по-прежнему готовила себе сама, потому хотела пройти через столовую на кухню. Но, едва переступив порог зала, она испуганно замерла – за столом сидели Мстислав и Владимир. Встретившись с задумчивыми глазами мужа, она сразу уловила в них что-то недоброе. Кровь отлила от её лица, внутри всё похолодело, но она всё же сумела ровным голосом вымолвить необходимое:

– Добро пожаловать...

Он коротко кивнул и отвернулся.

– Присаживайся, невестка, – с нажимом сказал Мстислав. – Завтрак тебе принесут, не стоит утруждать себя.

Настороженная Ирина опустила на стул рядом с Владимиром. В следующий миг в гостиную с подносом вошла Катерина.

– Владимир, у твоей супруги наконец-то появился аппетит. Катя принесла новые списки для закупок. Не знал, что южане так... ненасытны. Не обижайся только, Ирина, для любимой невестки мне ничего не жаль...

– Да! Я стала лучше себя чувствовать... ещё и весна, наверно, так действует на меня, – Ирина старалась не смотреть на служанку, ставящую перед ней тарелки.

– Я уж думал, может, у нас крысы завелись?

– Нет! Я часто бываю на кухне. Крыс и мышей никогда не видела. Там всегда чисто.

– Может, вы ждёте пополнение? – прищурился Мстислав.

Ирина, затаив дыхание, уставилась на мужа, но он не ответил ей. Владимир понимал, что дядя играет, что этот разговор всего лишь представление, поэтому с безразличным видом ждал развязки.

– Хотелось бы заранее знать, ведь эту проблему придётся решать мне.

– Мы взрослые детки, постараемся справиться сами, – не без иронии отозвался Владимир.

– Похвально. Но вы забыли главное: только я могу очистить нового сивера от клейма полукровки.

– Если бы в этом была необходимость, ты бы уже знал.

После завтрака Владимир поманил Ирину за собой и повёл её наверх. Она догадывалась, что её ждёт, и потому двигалась неспешно: всё пыталась придумать какую-нибудь отговорку, чтобы не идти с ним. Как провинившийся ребёнок, она боялась наказания и хотела оттянуть его, надеясь, что о её проступке просто забудут.

– Тебе надо научиться лгать, – на лестнице шепнул ей на ухо муж.

– Может, с тебя пример брать? – защищаясь, атаковала она.

Она понимала, что не стоит обострять, но не могла справиться с внутренним протестом и своей неприязнью.

– Может.

В коридоре второго этажа Ирина упрямо остановилась.

– Зачем я тебе? У меня дела на кухне...

– Никуда твои дела не денутся. Ты мужа три недели не видела, должно быть, соскучилась.

Ирина прикусила язык, чтобы не сказать чего лишнего, и в следующую секунду выдала себя беспомощным восклицанием.

– Я ничего такого не сделала!

Владимир поднял брови, всем своим видом как бы спрашивая: «В самом деле ничего?»

– Я никуда с тобой не пойду! – она скрестила на груди руки.

– Лучше пойти, – требовательным тоном предостерёг её Владимир.

Она решительно поджала губы, однако руки её предательски ослабли. Блуждая взглядом в поиске спасения, Ирина увидела приближающуюся Варвару. Издевательски цокая языком и качая головой, северянка сочувственно похлопала Владимира по плечу и прошла мимо. У лестницы она вдруг остановилась и нравоучительно заметила:

– Не стоит весь дом записывать в свидетели вашего «счастья».

Владимир сжал руку Ирины выше локтя и, несмотря на сопротивление, потащил в спальню. Там, усадив жену на диван, он грозно навис над ней.

– Ты больше не ступишь на кухню! Завтраки, обеды, ужины тебе будут готовить те, в чьи обязанности это входит. Поняла?

– И чем я тогда буду заниматься?! Сидеть сиднем и сходить с ума от безделья? – Ирина попыталась встать, но он толкнул её обратно к спинке.

– Сядь, – глаза его потемнели от гнева. – Будешь изучать законы земли, дочерью которой ты стала. Библиотека в твоём распоряжении. Может, там ты узнаешь об обязанностях жены, – он отступил к креслу и тяжело опустился на сиденье; упершись локтями в колени, Владимир сцепил руки в замок и холодно сказал: – Рассказывай, с кем ты проводишь время в деревне.

– Ни с кем!

– С кем ты проводишь время в деревне? – не поднимая глаз на жену, раздельно повторил свой вопрос северянин.

– Ни с кем...

– Ирина, ты понимаешь, что будет с Петровыми, если ты не начнёшь говорить правду?

– Да что такого я сделала?! Я просто стараюсь себя чем-то занять, Гриша просто мне помогает... Он ничего не нарушает, ничего такого не говорит... Мы лепим снеговиков, катаемся на коньках, выслеживаем куропаток... Боже! – она в отчаянии закрыла лицо руками и заплакала.

– Фёдор?

Ирина смолкла и удивлённо воззрилась на мужа.

– Какой Фёдор? – непонимающе пролепетала она.

– Тот, с которым ты завела дружбу, – Владимир пристально посмотрел ей в глаза.

– Ни с каким Фёдором я ничего не заводила! Я с Гришей подружилась! Федя только один раз ходил с нами на озеро – и всё, – Ирина вытерла слёзы. – Не веришь, спроси у кого хочешь, спроси у Гриши.

– Я-то спрошу, ты об этом не беспокойся.

Сердце Ирины оборвалось.

– Пожалуйста, они тут ни при чём! Ну правда, я ничего плохого не сделала. Просто выходила гулять с Гришей, ты же сам сказал – следи за здоровьем. А что хорошего сидеть в четырёх стенах? Петровы очень хорошие, они отнеслись ко мне с добром, даже свадебный подарок хотят сделать, и о вас они всегда говорят только с уважением... Они ни о чём никогда меня не просили, я сама им надоедала... Гришу я обманула! Я сказала, что ты разрешаешь мне...

– Хорошо, Ирина, – устало оборвал её Владимир. – Я верю тебе, – он откинулся на спинку, – можешь видиться с Гришей. Но кухонные дела брось.

– Я ничего такого... Я брала просто с собой на прогулку немного продуктов, а потом не обедала тут...

– Меня это не волнует – брала и брала. Я достаточно зарабатываю, чтобы не считать крошки, которые роняет моя жена.

– Тогда я не понимаю...

– Ты распустила работниц!

– У них и без меня хватает работы. Подумаешь, на одного человека обслуживать меньше...

Набираясь терпения, Владимир глубоко, всей грудью вздохнул.

– Они стали красть продукты, которые я заказываю для тебя с Юга, – он поднялся и прошёл к окошку, – такого в этом доме ещё не было! – обхватив ладонью свою шею, Владимир помассировал её и повернулся к Ирине лицом. – Работницы воруют, но говорят, что это тыносишь целые мешки в деревню. Как ты думаешь, кто виноват в этом и кто понесёт наказание?

Ирина опустила плечи и голову.

– Ты дала им возможность хитрить и изворачиваться. Позволила не уважать себя. Виновата ты. А понесут наказание они и Петровы.

– Но они ничего не просили и отказывались брать! Я сама... пожалуйста! Пожалуйста, никого не наказывай, я больше не буду!

– В следующий раз думай о последствиях, Ирина. Чтобы не лить слёзы, думай о последствиях своих поступков. Готовить ты больше не будешь – это ясно? Ты не позволишь *им* смотреть на мою жену свысока! Петровых не тронут. С кухарками я разберусь сам.

– Не наказывай их... Это несправедливо! Они живут здесь, как рабы.

– Рабам не платят.

– У них нет выбора. Они даже уехать отсюда не могут!

– У тебя был выбор, Ирина. Ты могла сказать «нет».

Лицо Ирины побелело и пошло красными пятнами.

– Причём тут это?

– При том, что ты говоришь о себе, а не о них.

– Нет! Я говорю о них! Они живут тут, как рабы. Они не знают другой жизни, не знают, что есть другой мир...

– Какой мир? Твой? Или южан? Многим они отличаются от этого?

– Там люди свободны!

– Свободны? – Владимир рассмеялся и вернулся в кресло. – О, моя наивная глупая девочка, много ты знаешь о несвободе?

Ирина растерялась, но глаз с него не свела.

– Много! – запальчиво воскликнула она. – Люди живут тут, как домашняя скотина, которую разводят на убой! Это жестоко и... нечестно.

С любопытством разглядывая лицо жены, Владимир остановился на её выразительно блестящих глазах и рассудительно заметил:

– Это Север. Они люди, мы вампиры.

– И что?

– Ты хочешь, чтобы они были свободными?

Почувствовав в этом подвох, Ирина нахмурилась и принялась разглаживать морщинку на платье.

– Тогда, может, мне обратить их? Их всех. И они будут свободны.

– Нет! Не надо. Пожалуйста!

– Неужели бессмертие не кажется тебе лучшим исходом?

– Нет.

– Тогда, может, у тебя есть другое предложение? Ты высказала своё недовольство, помоги мне его решить, – Владимир испытующе посмотрел на Ирину, и ей показалось, что он загоняет её в угол.

– Отпусти их на Юг, – вырвалось у неё.

– Отпустить на Юг, – задумчиво повторил Владимир, сводя вместе кончики пальцев. – Отпустить на Юг...

Ирина не понимала, что значит эта реакция: всерьёз он думает о том, что она сказала или издевается.

– И тебя отпустить? – Владимир исподлобья поглядел на неё. – На Юг.

Она не ответила. Он расстегнул верхнюю пуговицу на стоячем, украшенном узорами вороте.

– Могу предложить твою инициативу Мстиславу. Только ты всё равно останешься тут – это уже поле моей власти. Скажи, моя огненная жена, какую цену заплатят люди за свободу?

– Это базовая ценность человечества! А не товар на рынке, чтобы покупать и продавать её.

– Не товар... и всё же? Нельзя вот так просто повязать красный бантик и вручить свободу человеку. Если он не выстрадал её, не пролил кровь за неё, сам не заложил первый кирпич, он снова легко потеряет эту свою базовую ценность.

– Как красиво и легко ты рассуждаешь! Хорошо говорить, когда тебя это не касается, когда ты не прислуга и не раб.

Владимир усмехнулся и перевёл взгляд на пол.

– Ирина, ты поймёшь... со временем ты всё поймёшь, – словно самого себя убеждая, произнёс северянин. – Мир совсем не такой, каким ты видишь его сейчас. Юг или Та сторона – это не банковская ячейка, где лежит счастье. Ты поймёшь, что только тот, кто готов жертвовать многим, способен обрести свободу. И только тот, кто осознал, что это такое, сумеет ею воспользоваться.

Глава 5. Омут

Ирина понимала, что Владимир не так страшен и омерзителен, как она хочет его видеть. Не привяжи он её к себе, она, может, даже уважала бы его. Недаром Гриша и Рада отзывались о нём с искренним почтением. Но этот северянин обходился с ней как с вещью – она ненавидела его манеру хватать её за руку и тащить за собой. Она не выносила споров с ним, потому что не могла отстоять себя и доказать свою правоту. После разговоров с ним в ней подымалась едкая муть. Эта муть сдавливала дыхание и отравляла ум. Ирине казалось, что Владимир не видит в ней равного собеседника, он говорил всегда с какой-то высоты, как бы подчёркивая своё превосходство. Александр никогда себе такого не позволял, он не толкал её в какую-то топь, с ним она легко находила ответы. Ирина много размышляла об этом, но в дневнике писала мало, боялась, что Владимир увидит.

В деревню она перестала ходить: ей было стыдно перед друзьями, которым она умудрилась навредить. Гриша через слуг передал для неё рюкзак и первую крепкую пару ботинок. Вышитый на полотняном мешочке хрупкий подснежник, словно знак примирения, согрел душу и немного утешил. Ирина надеялась, что Петровы не сердятся за то, что она обратила на них внимание хозяев, и что Владимир сдержал своё слово и не тронул их. Избегая его общества, большую часть времени она теперь проводила в библиотеке.

Ирине нравилось бывать тут одной. В ясной солнечной тишине она распахивала створки окон и впускала в комнату весенний ветер или свеживалась с подоконника и подставляла ладонь талым каплям. Здесь она разглядывала полки, вдыхала запах остановившегося времени, листала книги, написанные сиверами и мировыми классиками (здесь были и такие). Иногда украдкой она делала новые записи в своём дневнике. Пряча листочки в какой-нибудь томик, она приносила их в спальню и тайком перекладывала в ящик.

Засидевшись как-то в библиотеке, Ирина настрочила заметку об Анисье и бабушке. Когда она поставила точку, пальцы её болели от сильного нажима на ручку, а глаза отяжелели от слёз. Вытерев лицо, она глубоко вздохнула и вложила исписанные листы в «Аберрации сознания» Ангелины Волковой. Эту книжку Ирина нашла на полках ещё утром. Она просто наугад вытянула самую неприметную, не подозревая, что наткнулась на редкое издание.

Напечатанный в начале двухтысячных дневник неизвестной северянки сразу захватил её. Он открывал Ирине внутренний мир новообращённого сивера. Почти не касаясь событий личной жизни, Волкова рассказывала о своих чувствах и мыслях. Проводя эксперименты над собой, она изучала своё новое тело и новое сознание и стремилась понять, как близко может приблизиться к смерти. Описывая и исследуя всевозможные хвори сиверов, она старалась определить норму и всякие отклонения от неё. Волкова переводила свои наблюдения в полезные с точки зрения медицины факты. Но при этом всегда заканчивала заметки одной и той же идеей: это лишь то, что видят её глаза, а значит, всё иллюзия истины.

Ирине не хотелось в таком разбитом состоянии возвращаться в спальню. Её зарёванное лицо мог увидеть Владимир, тогда ненужных вопросов не избежать. Поэтому девушка открыла страницу, на которой остановилась днём, и погрузилась в чтение. Под заголовком «Периоды эмоционального помешательства» Волкова писала:

«Время неизбежно меняет, подчиняет и уравнивает. Старость и смерть – вот что оно обещает человеку и сиверу. Пусть и в разных формах. Этими дарами время никого не обделит. Все мы отрастим металлическое брюшко. Цинизм и чёрствость станут нормальным проявлением здорового организма. Это биология ума, с ней невозможно бороться. Это запущенный механизм, его не остановить. Я борюсь с этим. Повторяю, как мантру одно: лишь бы остаться человеком. Как будто человека не ждёт омертвление.

Мы теряем способность чувствовать. Жизнь в бессмертии становится пресной и серой. Наше племя приняло эту плату и возвело её в абсолют. Мы воспеваем своё омертвление. Гордимся, бахвалимся им. Выпячиваем напоказ. А между тем, каждый из нас страшится его. Мы поклоняемся ему, как маленькому жестокому божку, втайне надеясь на пощаду. Мы ослеплены этой верой. И потому не видим, что сами вырезаем в себе живое.

Да, время одни чувства выедаёт из нас, а другие надкусывает. Но, если посмотреть на человека, в пятнадцать, тридцать и пятьдесят лет он ощущает жизнь по-разному. С годами многое в нём закономерно перестраивается. У нас происходит то же самое. Но из-за страха перед созданным нами же божком мы обрекаем себя на раннее омертвление. Мы застываем в состоянии амбивалентности: добровольно отказываемся от чувств и хватаемся за всё, что с избытком даст нам их ощутить. Мы теряем грани, теряем баланс и – умираем.

В связи с этим мне не даёт покоя ещё один феномен. Я назвала его «эмоциональное помешательство». Как бы мы ни отрицали, хаотичные вспышки эмоционального безумия характерны нашему роду. Они происходят из сущности нашего бытия и имеют разные формы. Речь не о зависимости одержимых живой кровью. Здесь причинно-следственные связи очевидны. Меня интересует другое – природа вспышек, не обусловленных ни питанием, ни возрастом, ни каким-либо другим внешним фактором.

Я заметила, что даже после многих лет стабильного угасания у некоторых сиверов наступает период эмоционального всплеска. Внезапно (?) просыпается нечто, что заставляет сердце биться иначе. Сивера захлёстывают чувства, он не может их контролировать, становится безрассудным, несдержанным. Он переживает всё обострённо, как впервые, и потому неуправляем. В своём стремлении наслаждаться этими ощущениями он готов отказаться от всего, что было значимо прежде. Как одержимые зависимы от живой крови, так и «пробуждённые» сиверы нуждаются в проводнике или источнике. Это может быть какое-то дело, увлечение, другое живое существо и т.д. Как долго может продолжаться этот период? Не знаю. Значит ли он, что полная атрофия чувств невозможна? Не знаю. Вопросов очень много.

Сейчас мне сложно дать этому явлению внятное описание и объяснение. Порой этот всплеск превращается в состояние, близкое к маниакальному. Порой перерастает в настоящее (?) глубокое чувство привязанности. Можно ли назвать их страстью и любовью – я не знаю. Для меня самой это совершенно неожиданное открытие. Нужно время, чтобы собрать и систематизировать материал. Я пыталась поговорить об этом с Игорем. Я уверена, мы должны изучить эти отклонения, понять их биологическую природу. Но он не верит мне, он уверен, что мы всё контролируем: имитируем чувства...

– Ирина Анатольевна? Ирина Анатольевна! – громкий шёпот выдернул Ирину из книги.

Возвращаясь в пространство библиотеки, но мысленно оставаясь ещё в тексте, она потерянно огляделась. И только когда шёпот повторился, Ирина заметила голову Дары в проёме приотворённой двери.

– Владимир Вячеславович вас искал, – с улыбкой сообщила служанка. – Я так и думала, что вы здесь. Вот заглянула предупредить.

– Хорошо, Дара! Спасибо большое. Я иду.

Наведя порядок на столе, Ирина потушила свет и отправилась в спальню. Уже в коридоре, приблизившись к повороту в своё крыло, Ирина услышала в сумраке знакомый женский голос и остановилась.

– Твоя жена ненавидит тебя. Ты счастлив? – спрашивала кого-то Варвара.

– Да. Даже её ненависть – живая.

– Долго этим сыт не будешь.

– Другим напьюсь.

– А будет ли другое?

– Будет.

Тишина.

– Володя, – мягко позвала Варвара. – Ты думаешь, она заменит меня?

– К чему эти сантименты? – спокойно отозвался Владимир. – Они не к лицу тебе. Кисейной барышней ты, кажется, никогда не была.

– Ты знаешь – она никогда меня не заменит.

– Варя, я не закрываю дыры другими людьми.

– Решил вечность попрекать меня? Что хочешь говори, Володя, но я знаю, ты не любишь её.

– Она сделает то, чего ты не захотела. Этого достаточно.

– Ты фанатик.

– Нет. Я всего лишь знаю, куда иду.

– Ну и славно, – Варвара невесело рассмеялась. – Раз ты знаешь, куда идти, позволь полюбопытствовать. Способна ли твоя южная жена скрасить наши холодные ночи? Ты доволен ею? А то ведь, если не доволен, ты знаешь, где тебе всегда было хорошо. Приходи.

– А если приду, *ты* будешь довольна? – тихо спросил Владимир.

– Будто тебя это когда-то волновало.

– Когда-то волновало.

Ирине стало неловко, и она осторожно на цыпочках попятилась назад. Вернувшись в библиотеку, она не стала включать свет. Упала в кресло и задумалась о том, что услышала. Она догадывалась, что этих двоих что-то связывает, только дурак не заметил бы этого. К тому же на Той стороне она нашла в ноутбуке Владимира документ с названием «Варя», видимо, это был его дневник. Что происходило между ними сейчас – совершенно не интересовало Ирину (уж лучше бы происходило, тогда бы она перестала кожей ощущать его молчаливое ожидание). Ей было непонятно, почему северянин не женился на своей... Илга ему не подходила, он говорил... Ирина, которую он выбрал, и давно! А вот Варвара ему ровня. Почему он не женился на ней? Неужели из желания идти против ветра? Может, он был таким – как подросток, неудобным и делающим всё поперёк? Но почему северянка назвала его фанатиком? Что Ирина должна была сделать для него вместо неё?

Девушка не успела решить эти вопросы – скрипнула дверь, и в библиотеку вошёл Владимир. Он неспешно пересёк комнату и лениво опустился в кресло напротив.

– Почему не идёшь спать? – спросил он.

– Уже собираюсь...

– Это твоё? – в сумраке Владимир что-то протянул ей.

Отложив книгу Волковой, Ирина взяла в руки полотняный мешочек и ощупала его.

– Тебя не учили, что чужие вещи трогать нельзя? – вскочила она с места.

– Шкаф, – поднялся следом Владимир, – не самое подходящее место для тайн, особенно если они касаются других.

– Ну и как, очень интересно?

– Я не читаю чужие дневники. Как и переписки.

Жар хлынул к лицу Ирины, ей показалось, что это камень в её огород: северянин знает о ноутбуке. Но ведь она из необходимости залезла в него, она не собиралась копаться в личном! Как бы там ни было, Владимир не имел права рыться в её вещах. Прижав к груди мешочек с записками, она оттолкнула мужа и бросилась прочь. В спальне недолго думая она высвободила дневник от ткани и, перебежав в ванную, закрылась там. Безжалостно разорвав исписанные листы, она спустила их в унитаз. Только стихотворение Александра она бережно свернула и спрятала в карман платья. Воротившись в комнату, Ирина застала в ней Владимира.

– Если не хочешь сплетен от слуг, – возобновил он прерванный разговор, – найди другое место...

– Уже нашла! Сплетен не будет.

Владимир бросил взгляд на пустой мешочек в её руках.

– Не нужно было этого делать.

– Надо было оставить почитать тебе?

– Я уже сказал тебе, Ирина, что не читаю чужие дневники, – сурово проговорил Владимир и стянул с себя рубашку.

– Ну и прекрасно, – Ирина забралась с ногами на диван и, обхватив колени, отвернулась к окошку.

«Вот тебе и право слова... лицемер!» – стиснув зубы, подумала она. Переодевшись в пижамные брюки и футболку, Владимир ушёл в ванную. Умывшись и почистив зубы, он выключил свет и, уже лёжа в постели, спросил:

– Всю ночь собираешься держать оборону?

Не дождавшись ответа, он повернулся на бок и скоро уснул. Так, почти не двигаясь, Ирина просидела до глубокой ночи. Незаметно забытьё опутало её своей тиной и медленно потянуло на дно. Но где-то на середине что-то резко вытолкнуло Ирину из дрёмы, и она распахнула глаза. Её сегодняшние записи – она совсем о них забыла! Они остались в книге, в кресле библиотеки. В них не было ничего, что могло бы навредить кому-то, попади они в чужие руки. Но сама мысль о том, что её живое и больное могут прочесть, – ужасала, как если бы кто-то мог увидеть её нагой.

Высочив из комнаты, Ирина побежала по безлюдным коридорам в библиотеку. Там в темноте она не сразу отыскала свой тайник. Она долго шарила по сидению, подлокотникам и столу, пока не догадалась посмотреть на полу. Вытащив завалившуюся за кресло книжку, она чуть дыша двинулась обратно. Поворачивая к спальне, Ирина ускорила шаг и внезапно налетела на Варвару. Северянка сначала опешила от такого столкновения и даже отступила на шаг, но очень быстро её лицо посветлело и оживилось.

– Похвальная тяга к знаниям! Муж будет очень доволен тобой.

Ирина смутилась и только сильнее сжала книгу.

– Не бойся, это останется между нами. Мы же одна семья! Маленькие женские секреты только сблизжают. Можешь облегчить душу. Говори, кого ты в учителя записала? Демьян или Константин? Может, Сергей?

– Какая же ты змея, – вспыхнула Ирина, она поняла, что тень на Фёдора Петрова навела именно Варвара.

– Я змея? – пришла в возбуждение Варвара. – Я не змея, – медленно, с нажимом проговорила она, приближаясь к Ирине. – Я северянка, а ты – грязная южная тварь, – во рту её блеснули удлинившиеся передние клыки. – Я могу перекусить тебе глотку и глазом не моргнув.

– Ну перекуси! – отчаянно бросила ей в лицо Ирина. – Перекуси и посмотрим, что будет с тобой, когда об этом узнает мой муж.

Варвара отшатнулась от этих слов, как от пощёчины. Ошалевшая от злости Ирина сама не поняла, как додумалась прикрыться мужем. Она ляпнула первое, что пришло ей в голову, – и это помогло. Воспользовавшись заминкой, она обошла северянку и направилась в спальню.

– Он тебя не любит! – этой беспомощной попыткой задеть Варвара только выдала свою слабость.

– А мне это и неинтересно, – легко отразила атаку Ирина.

«Вот тебе и мелодрама...» – уже в безопасности, прижимаясь спиной к двери, думала она. Сердце в её груди бешено колотилось, руки казались ледяными и немного тряслись. С опаской поглядев на постель, она убедилась, что муж не заметил её отсутствия. Не просыпаясь, он беспокойно повернулся на другой бок и выпростал руку на вторую половину кровати. Выбросив в унитаз последние свои записки, Ирина почистила зубы и, не раздеваясь, свернулась калачиком на диване. Утром она проснулась с неясным тревожным предчувствием. Скинув с себя плед,

которым, видимо, накрыл её Владимир, она приподнялась и поглядела на постель. Северянина в комнате уже не было. Мысленно молясь, чтобы он снова уехал на стройку, Ирина встала и потянулась. Всё её тело одеревенело от неудобного спанья.

Оставшееся утро и половину дня Ирина провела в мрачном тоскливом настроении. Что-то давило на неё и на окружающее пространство. Сидя в библиотеке, она по нескольку раз пробегала глазами по одним и тем же страницам «Аберраций». Но смысл прочитанного вытесняли из сознания навязчивые бессвязные мысли. Она лишь смутно понимала, что новая глава посвящена способности сиверов к воспроизводству себе подобных, что Волкова, рассматривая особенности этой ключевой характеристики биологического вида, признаёт одну единственную форму размножения – обращение. При этом на передний план исследовательница почему-то выдвигала тему фертильности в межвидовой паре сивера и человека.

Наконец, бросив книгу, Ирина решила выйти на воздух. В деревню идти не хотелось: она боялась снова подставить друзей. И, хотя Владимир позволил ей прогулки с Гришей, она не решалась воспользоваться этим. Ведь у стен были не только глаза и уши, но и ядовитый язык. Даже из замка она выбралась с неотступным болезненным ощущением слезки. Не доходя до поворота в деревню, Ирина спустилась с грязной сырой дороги к сосняку. Проваливаясь в размягчённый снег и обходя залитые водой плешины, она побрела к озеру. Вокруг наперебой звенели птицы, и, останавливаясь, девушка старалась разглядеть и узнать певцов. Обновлённое рыжее солнце светило и грело так, что в горнолыжном костюме становилось жарко. Ирина расстегнула ворот и убрала шапку в карман куртки. Вдохнув полной грудью влажный тяжёлый воздух, она запрокинула голову и поглядела в бездонное голубое небо. Казалось, оно было нанизано на тёмные острые верхушки сосен и только поэтому не затопляло собой землю.

У озера Ирина долго стояла и смотрела на видневшийся вдали мост. Она гадала, можно ли отсюда пройти до станции и от неё по льду на другой берег. Думала о том, сколько времени это может занять, о том, что находится, на той, невидимой отсюда, стороне. Конечно, она не собиралась никуда. И всё же, словно сама с собой играя, как бы проверяя свою решительность, она ступила на лёд. Изрезанный линиями, подобно раскрытой ладони, он казался по-зимнему крепким. Ирина сначала робко, с оглядкой отходила от суши, но скоро, почувствовав уверенность, ушла так далеко, что деревья казались ей оттуда карликовыми. Однако противоположная окраина не стала ближе, она всё так же была далека и скрыта от глаз.

Двигаясь по направлению к мосту, Ирина старалась потихоньку возвращаться к берегу. Она надеялась быстро и незаметно миновать деревню и по ледяной кромке уйти дальше. Но видневшиеся вдали горные обломки подсказали ей: она только добралась до того места, где с Гришей обычно каталась на коньках. Ирина почти перешла на бег, но тут среди валунов мелькнуло чёрное пятно.

– Нуар! – обрадовалась она, узнав в нём щенка Петровых.

Ирина кинулась к нему, но неожиданно поскользнулась, упала навзничь и от сбившегося дыхания закашлялась. От сильного удара в глазах потемнело, мир стал кружиться и уходить из-под неё. Она попыталась пошевелиться, но тысячи обжигающе ледяных иголок разом вонзились в кожу и сковали тело. Она провалилась под разломившийся лёд. Надувшиеся куртка и брюки едва удерживали её на поверхности воды. В панике Ирина стала хвататься за крошащиеся обломки, но только царапала руки. В какой-то миг она услышала хлопок, что-то больно пробило кожу между костяшками пальцев и застряло горячей занозой – от кисти по предплечью поползла немота. Звуки смешались, изображение помутилось – чёрная пасть потревоженного озера поглотила её.

Что было потом, Ирина помнила вспышками: она подо льдом, но какая-то сила тащит её против течения, она на берегу задыхается и выкашливает горькую воду из лёгких, она парит в воздухе над хлюпающим снегом и слышит собачий лай. Затем сумрак, треск поленьев, перед глазами расплывается деревянный потолок. Её трясёт – кто-то стягивает с неё прилипшую

одежду и растирает онемевшее тело. Наконец тепло разливается по её венам, и она погружается в горячий глубокий сон. Во сне она слышит мягкий голос. Это голос Саши, он зовёт её, вытягивает из воронки ледяного водоворота...

Когда Ирина открыла глаза, что-то ослепило её. Она невольно дёрнулась и зажмурилась. В голове загудела боль. Превозмогая её, девушка попробовала сдвинуться с места, но тело оказалось неподъёмным. Она разлепила губы, но не смогла издать ни звука. Горло и язык будто высохли – хотелось пить. Ирина глухо застонала, затем снова попыталась всмотреться в пространство. В кружащемся калейдоскопе она различила старые жёлтые занавески. Сквозь щель между ними в помещение просачивался яркий солнечный свет. Это он ослепил её. Ирина поняла, что лежит на чужой постели, придавленная одеялом и чужой твёрдой рукой. Чьё-то тёплое ровное дыхание касалось её шеи, щекоча обнажённую кожу.

Не в силах обернуться, Ирина сомкнула потяжелевшие веки. Когда она проснулась во второй раз, рядом никого не было. Ясность ума и способность двигаться вернулись к ней. Одной рукой держась за голову, другой прижимая к груди одеяло, она медленно села и осмотрелась. Находилась Ирина в тесной спальне с незатейливой мебелью: обшарпанный шифоньер, полка с книгами, пустой письменный стол, над ним несколько панно с вышивками. На покосившемся стуле у изголовья кровати стопкой лежала сухая одежда. Ирина потянулась к ней, но вдруг спиной ощутила лёгкое дуновение, а следом – чьё-то присутствие. Она вздрогнула от дверного щелчка и прижала обе руки к груди. Владимир обошёл кровать и поставил стакан с водой рядом с её вещами.

– Как ты? – озабоченно спросил он, присев напротив Ирины.

Краснея до ушей, она сглотнула комок в пересохшем горле и спрятала глаза в пол. Владимир бережно коснулся тыльной стороной ладони её щеки.

– Ночью у тебя был жар. Ирина, что ты там делала?

– Гуляла, – простуженным голосом прогудела она.

– Кто гуляет по весеннему льду?

Она не ответила.

– Тебе снова повезло. Огонь, вода – что нас ещё ждёт?

– Выйди, пожалуйста, я оденусь.

Владимир тяжело вздохнул и выпрямился.

– Тебе не нужна помощь?

– В чём? – Ирина возмущённо вскинула на него глаза. – Твоя помощь?

– Рады.

– Нет.

Когда Владимир вышел из комнаты, Ирина набросилась на воду. Выпив её без остатка, она переместила вещи на кровать и стала быстро одеваться. Воображение тут же стало дорисовывать то, чего она не помнила. Сгорая от стыда, Ирина старалась отгородиться от всего, что неприятно волновало её. Но если от смущавших картин ей худо-бедно удалось отбиться, то от мысли, что её снова спас северянин, – нет. Как бы Ирине не хотелось этого делать, она не могла не сказать ему «спасибо». Это застрявшее в горле слово раздражало её и беспокоило, даже когда она прощалась с Гришей и Радой. Владимир в это время грузил в объёмный багажник своего старого джипа «Чероки» заказ Мстислава, за которым вчера и заехал к Петровым.

– Хорошо, что остались, – проговорила на крыльчке Рада. – Ещё чуть-чуть – и холод выцарапал бы из дома жизнь, – она коснулась солнечного сплетения, как бы показывая, где находится дом жизни. – Сергей Мстиславович сказал, нужно показаться Павлу Фёдоровичу.

– Угу... – рассеянно согласилась Ирина, прикидывая, с какой стороны подойти к своему непростому делу.

– Благодарю вас за кров, – к ним подошёл Владимир. – И тебя, Григорий! Ты спас мою жену.

Гриша смущённо улыбнулся, и всё лицо его озарилось светом.

– Это Нуар почуял беду, я же говорил, ма, что он умный.

– Нуар? – удивился Владимир.

– Да, это Ирина... Анатольевна такое слово придумала и назвала им нашего щенка.

– Что, Ирина Анатольевна, поедем? – Владимир глянул на жену из-под бровей. – По пути расскажешь, какие слова ты ещё умеешь придумывать, – от этого ровного твёрдого тона у Ирины по спине побежал холодок.

На ослабевших ногах она смиренно двинулась к внедорожнику. На выезде из деревни Владимир нарушил молчание и настороженно спросил:

– Надеюсь, ты не рассказывала им, что такое нуар и откуда это слово?

Ирина виновато закусила губу, потирая тёмную, еле заметную точку между костяшками пальцев – это место неприятно ныло. Сердце, горячо толкая кровь, глухим шумом отдавало в её ушах.

– Значит, говорила. Ты говорила им о своём мире! – Владимир нажал на газ и рванул через поворот на шоссе. – Ирина, запомни: для этих людей есть только один мир – Север. Свою правду оставь в потайном кармане.

Она бросила на него быстрый взгляд.

– Твоя правда никому не принесёт добра. Если не хочешь черпать своими красивыми ручками кровь – молчи. Поняла?

– Но я же...

– Кого ты успела втащить в это болото? Кому говорила про Ту сторону? Грише? Раде? – напирал Владимир, не замечая, что автомобиль набирает скорость. – Этому мальчишке Фёдору, который по уши в тебя влюблён?

– Хватит уже! – сорвалась Ирина. – Почему всё это со мной происходит? Ох, боже! За что мне это? Надоело это! Надоело это всё! Почему я тут? Зачем я тут? Когда это всё закончится уже? Я хочу домой!

– Мы едем в больницу к Павлу. Сергей сказал, что у тебя сотрясение...

– Всё, хватит! Я хочу домой! Ты не понимаешь это? До-мой! Мне не нужна ваша весна в июне!

Владимир сбросил скорость и остановился у обочины.

– Наша весна в июне. Наша. У тебя нет другого дома, – грозно выговорил он. – Здесь дом твоего мужа и твой дом.

– Нет... – покачала головой Ирина. – Нет! – она толкнула дверь и выскочила на дорогу.

– Сядь в машину, – вышел за ней Владимир.

– Нет! Никакой ты мне не муж! Это всё неправда! Я знаю! – Ирина попятилась к спуску за обочиной. – Это всё не по-настоящему! Слышишь? Виктор... – она соскользнула в снежную хлюпающую кашу.

Владимир спустился к ней, но она ринулась в сторону леса. Он догнал её и больно сжал запястье. Ирина попыталась высвободиться, но сделала только хуже. Перехватив её руки, Владимир завёл их за спину и рывком дёрнул Ирину к себе.

– Отпусти меня! – её обуял дикий, панический ужас. – Отпусти! Отпусти!

Она кричала, выкручивалась и лягалась с такой силой, как будто от этой схватки зави села её жизнь. Но Владимиру ничего не стоило справиться с этим сопротивлением. Развернув Ирину лицом к себе, он новым захватом полностью обездвигил её. Крепче обнимая ослабевшее тело и стараясь выровнять своё дыхание, он уткнулся носом в её макушку. Ноги Ирины подкосились, и она потяжелела его в руках.

– Я не могу дышать... Не могу... дышать... Господи! – она судорожно зарыдала. – Не могу! Не хочу...

– Тише... тише... – прерывисто выдохнул ей в ухо Владимир. – Успокойся. Успокойся, – он не дал ей сползти на землю.

Так они стояли долго. Ирина горько и жалобно плакала, Владимир молчал. Наконец она стихла и надломленно попросила:

– Пожалуйста, мне тяжело дышать...

Он неохотно разжал объятия. Ирина медленно отступила назад. Глаза их встретились, и что-то изнутри обожгло её грудь. Владимир хотел что-то сказать, но она, вытирая слёзы, попятилась от него. Он сомкнул губы и посуровел.

– Раз ты можешь бегать, значит, причин для беспокойства нет, – сказал он, ведя её за руку к джипу. – Едем... – тут он запнулся и добавил не то, что хотел: – ... в Чёрный плющ.

Оставив жену в замке, Владимир сразу уехал. Ирина даже не надеялась, что на стройку. Она знала – сейчас он не отстанет от неё. Весь день, кутаясь в шаль и кашляя, Ирина пролежала в постели, время от времени забываясь сном. Вечером Катерина принесла ужин ей в спальню. Когда она отказалась от него, служанка, подобно роботу, проговорила:

– Вы должны поесть. Владимир Вячеславович велел...

– Я никому ничего не должна! – раздражённо отозвалась Ирина. – Пусть велит кому-нибудь другому.

Катерина упрямо поставила поднос на тумбочку.

– Сколько можно... – запричитала Ирина. – Как мне всё это надоело. Как мне плохо... Это не жизнь, это тюрьма, каторга какая-то!

– Он всё делает для вас! – брезгливо перебила её Катерина. – Ваш муж пошёл против всего Севера. Вы не понимаете, какой он! Не понимаете, как вам повезло! Даже этот хлеб, – девушка ткнула пальцем в поднос, – который вы не едите, привозят каждое утро свежим с Юга, только бы вы улыбнулись. Это вы называете тюрьмой? Это? Вы не знаете, что такое тюрьма!

– Катя... – ошарашенно произнесла Ирина.

– Это грязь, голод и смерть. Мы это видели! Мой отец всё это прошёл! Вы говорите о тюрьме? Это я в тюрьме! Я всю жизнь, как крыса, сижу в подполье и боюсь дышать. Боюсь, что мои братья станут вечными донорами или едой для *тех*... Я знаю только, что такое работа. Работа! Одна только работа! И вы говорите мне, что вам плохо? Мы живём и не жалуемся, трудимся, едим и радуемся, что живы...

Глава 6. Пепел

Слова Катерины жгли Ирину стыдом, она ворочалась в постели и не могла уснуть. Простыни и подушка казались ей горячими и колючими. Ирина искала прохладное место и даже перекатывалась на вторую сторону кровати. Но и там под её телом всё моментально нагревалось и раздражало кожу. Тогда она переворачивалась на спину, откидывала одеяло, комкала его ногами и, раскинувшись звездой посередине, смотрела в потолок. Она понимала, что выговор Катерины не вполне справедлив, но чувствовала себя виноватой. Конечно, Катя не знала всей истории, не знала, что у Ирины была совершенно другая, нормальная, жизнь. Её втянули в это всё – она не выбирала ни этот мир, ни эту семью, ни этого мужа. Но ведь и Катя не выбирала! Ирина когда-то могла сказать всему этому – нет, она упустила свой шанс. А вот обычная девушка на Севере не смела даже подумать о подобном – у неё с рождения нет на это права. Так кому из них жаловаться на судьбу?

Она настолько заиклилась на себе, что забыла о тактичности и сочувствии. Многим она лучше властвующим тут северян? Вместо того, чтобы плакаться, лучше бы попробовала понять Катерину! А может, даже защитить! Они ведь так похожи! Обе по-своему несвободны и зависимы, обе живут страхами. Даже отец у Катерины пропал в тюрьме, как и отец Ирины! Пусть они недолюбливали друг друга, пусть Катерина и старалась ей насолить, но ведь Ирина была на позиции сильнее: за ней стояли брат и муж. «И до какой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек!» – стальной голос бабушки зазвучал в её ушах. Бабушка любила цитировать Гоголя, когда выносила приговор соседям, знакомым или телевизионным политикам. Ирина поёжилась и в мыслях принялась оправдываться.

Усыпив свою совесть обещанием, что исправится, она улеглась с краю и закрыла глаза. Но сон так и не пришёл. Теперь она думала об Александре – это он привёл её в этот мир. С него всё началось. Обида, прежде заслонённая борьбой с Владимиром, внезапно выступила вперёд. Последняя встреча с Александром явственно предстала перед глазами Ирины. «Я хотел сделать тебя своей женой... я умолял тебя не соглашаться... Я хотел спасти тебя... Тебе хочется играть в опасные игры... Ты сделала его героем... Златослава желает избранной и герою счастливой семейной жизни...» – он растоптал её в тот момент, когда она надеялась на его помощь. Он упрекал Ирину тем, что переступил ради неё через правила, а она понятия не имела, что это за правила. Одно только «Я», его уязвлённое болезненное «Я» было в тех словах – сейчас она ясно это осознавала, и что-то большее, чем просто обида, зарождалось в ней. Даже северянин в тот вечер был человечнее и мягче...

С похолодевшим сердцем Ирина вспомнила его попытку поцеловать её и снова раздражённо завозилась. Однако очень скоро всё прекратилось – в спальню вошёл Владимир, и девушка неподвижно застыла. Когда он лёг на свою половину кровати, она почувствовала его взгляд – северянин не повернулся к ней спиной, как обычно. Он знал, что она не спит. Ирине казалось, что он готовится с ней заговорить и обдумывает, с чего начать. Она не хотела этого – боялась. Но не ссоры, а другого, совершенно противоположного. Ведь она его должница, она обязана была сказать ему «спасибо». Не сделать ему одолжение, а искренне поблагодарить. На это требовались силы и смелость, коих у неё не было. Поэтому Ирина отвернулась от Владимира и до самой головы натянула одеяло.

Проснулась она, когда солнце уже подымалось над стенами замка и разливало свой густой горячий свет. Владимир встал раньше её, он уже успел принести в комнату и положить на её тумбочку две коробки. Удивлённо рассматривая изображённые на них ноутбук и наушники, Ирина не заметила, как он вышел из ванной. Туже завязав пояс халата, северянин неуверенно, словно смущаясь, сказал:

– Кхм... я знаю, ты любишь музыку. Я видел тебя на концерте...

Она с ужасом подняла глаза – чего-то подобного она и боялась.

– Ты можешь вести там свои записи, никто не прочтёт их, – суше сказал он и бросил полотенце на кресло. – Поставь пароль, если боишься.

Взъерошив мокрые волосы, Владимир подошёл к своей тумбочке и достал из ящика конверт.

– Письмо с Юга, – он протянул его через кровать.

Ирина схватила конверт, но прежде, чем распечатать, заглянула мужу в глаза и поблагодарила. Она переместилась на диван и принялась читать письмо Авроры.

«Ирина, дорогая!

Прости, что так долго не отвечала тебе. Если бы ты знала, что происходит у нас, ты бы не осудила меня! Этой весной мы все угодили в медвежий капкан. Восстание за восстанием! Прямо поветрие какое-то. Безумие!

Пока мы были на Севере, в городе объявились голубокровки. Они хотели захватить Ярый шип, но воспитанники Александра дали им отпор. Мы вернулись, а во всех газетах было только одно: погромы, пожары, потасовки! Я не могла читать новости, Ирина! Этого просто не описать – бумага сгорит в руках и рассыплется.

И только Виктор нашёл и арестовал всех сектантов, как поднялись его сторонники! Сначала они критиковали Виктора из-за твоего замужества, а потом полилась такая грязь! В сплетнях и разговорах они называли Виктора предателем идей Родослава! Мол, он братается с сиверами и отступает от нашей главной задачи. Они – кто ещё вчера были на нашей стороне! Мы до сих пор не можем в это поверить. Мы как в бреду!

Каждый день Сорокопут публикует расследования в «Южном солнце». Оказывается, они все перебежчики, они связаны с сиверами! Представляешь? А я многих из них знала! Казалось, они такие честные и принципиальные. А продались сиверам! Но это ещё не всё. Болотников вычислил группу заговорщиков – на Виктора готовилось покушение. Ты только не пугайся, слава Солнцу, всё обошлось, с этим разобрался Болотников. Он, конечно, не самый приятный яр, но зато теперь у нас тихо.

Честно говоря, Ирина, мне не по себе рядом с ним... От него как будто веет погребальным костром. Лёша думает, что я взъелась на него из-за Александра. Мол, мне кажется, будто Болотников пытается занять его место. Ну а что, разве я не права? Он ведь правда теперь постоянно с Виктором! Александр, кстати, был против его назначения. Но он сам не очень сейчас включён в эти дела – у него горе. Да и после твоего отъезда с Виктором у них разлад. Так что не знаю... Ладно, главное, сейчас северный ветер не дует в нашу сторону. Надеюсь, лето принесёт нам скорую встречу, и мы вдоволь наговоримся.

Рядом со мной сейчас Зоряна, она кормит маленькую Златославу. Наша малышка растёт здоровой, крепкой ярчанкой – София славит день, подаривший нам её. На днях и старшая Златослава приезжала навестить правнучку. За ужином она из Болотникова всю силу вытянула! Ты бы это видела! Настоящее представление. Виктор так злился на неё, краснел, а сделать ничего не мог. Я так хохотала потом. Думала, Зоряна меня поддержит: она Болотникова еле выносит, потому что он бросил тень на её мужа, как будто он тоже замешан в чём-то. Евгения арестовали, потом отпустили. Зоряна была сама не своя. На неё страшно было смотреть! Я её стараюсь сейчас не трогать (хотя Виктор поручил мне за ней приглядывать) – она последнее время совсем на себя не похожа, почти ни с кем не разговаривает. Но её можно понять, они с Всеволодом отбили Евгения! София тоже вступилась за брата. Так что всё обошлось.

Кстати, Златослава спрашивала о тебе, говорила, что видела у Белоозёрных твоего «мужа». Марго говорит: младший Чернов помешался на этой стройке, оставил все семейные дела и недели проводит в Волчьей долине. Это правда? Надеюсь, что да! И у тебя есть хоть какой-то покой. Пусть будет больше таких погожих дней в твоей жизни!

Да, про Александра ещё. Сейчас он живёт в Яром доле, но мы очень ждём его возвращения, очень волнуемся за него. Понимаешь, во время уличных беспорядков погиб его младший брат, и он не находит себе места. Винит себя во всём. И в его смерти, и в том, что проглядел перед нашими окнами ядовитые корни голубокровок. Пётр попал под их влияние, в деревне мы разорили целое гнездо этих змей! Они толкнули ещё весеннего мальчишку пойти с оружием против традиций своей земли! Это ужасно! Александр слишком суров к себе, он всё делал правильно! Он должен был действовать, должен был погасить это восстание. Он спас нас от второй ярской войны! Он настоящий герой!..»

Ирина остановилась – ей нужно было осмыслить то, что она прочла. Восстания, конфликт Виктора с единомышленниками, новые сиверяры, какой-то неизвестный Болотников, арест Евгения – всё это очень быстро отошло на задний план, уступив место новости о смерти. Брат Александра, тот суровый молчаливый подросток, умер? Как такое могло быть? Из слов Авроры было ясно, что он попал под влияние секты, под влияние... того Олега, с которым Ирина столкнулась в книжной лавке! Ещё на древницах Анисима она догадалась, что Пётр дружен с ним! Может, этот Олег был членом секты Бессмертия, а может, шпионом сиверян? Ведь он заступался за ту газету, печатавшую оскорбительные расследования, её тогда признали сивеяром. Он лично знал Тараса Бурова! Но ведь Владимир убеждал её, что Буров не связан с ним. Да какая разница! Пётр умер! Наверняка он вместе с Олегом участвовал в этих протестах. Он пошёл против брата и погиб. Мальчик, только начавший жить, о чём-то мечтавший, что-то чувствующий, мальчик, которого она знала, – больше не дышит, не думает, не говорит. Это не укладывалось в её голове.

– Кто-то умер?

Голос Владимира заставил её вздрогнуть и поднять глаза. Уже одетый в свой повседневный чёрный костюм, сиверянин внимательно смотрел на неё.

– Как ты понял?

– У тебя на лице написано. Человек не верит смерти. Она всегда потрясает его, даже если он видит её каждый день. Кто-то близкий?

Ирина покачала головой.

– Если кто-то близкий, мы можем поехать в Ярый шип.

– Правда?

– Да.

Всего на короткий миг Ирина поверила, что это выход. Но через секунду ей стало гадко от самой себя. Воспользоваться смертью мальчика, чтобы обманом попасть на Юг и сбежать, – какая низость.

– Нет, не надо. Мы там лишние.

– Если что-то нужно, скажи. Вечером я уеду, – Владимир открыл дверь и, пропустив Катерину с подносом, вышел из спальни.

Служанка, пряча глаза, поставила завтрак на журнальный столик.

– Простите меня, Ирина Анатольевна, – проговорила она мёртвым голосом. – Я очень жалею о вчерашнем. Велите меня наказать.

– Что ты, Катя! – беспокояно отозвалась Ирина и улыбнулась в знак примирения. – Ты всё правильно сказала! Я думала только о себе и... В общем, прости меня, пожалуйста.

Катерина ответила на улыбку.

– Спасибо за завтрак! Обед не приноси сюда. Я поем внизу. Хорошо?

– Хорошо. Ирина Анатольевна? – служанка боязливо покосилась на дверь. – У меня есть кое-что для вас... Но Владимир Вячеславович не должен знать об этом.

– Конечно! Что случилось, Катя?

Девушка протянула ей сложенную во много раз бумажку. Ирина развернула её и дрогнула. Сердце её учащённо забило в груди. Внутри лежал вязанный из нитей браслет – изу-

мрудный, с золотистым узором. Помутившимися глазами Ирина пробежала по записке. На сером листочке знакомым аккуратным почерком было выведено: «Скоро я заберу тебя».

– Откуда это у тебя? – глухо спросила она.

– Один близкий человек доверил мне это. Он занимается поставкой продуктов с Юга.

– Катя, ты же не скажешь Владимиру?

– Нет, конечно. Я ведь сама попросила вас не рассказывать об этом.

– Хорошо...

Ирине стало совестно за своё недавнее осуждение. Она потеряла веру в Сашу, обвинила его бог знает в чём. А он не забыл о ней даже в горе! Этим утром он подарил ей крылья. Весь день, несмотря на поднявшуюся температуру и головную боль, она ходила, не касаясь земли. Она не видела и не слышала никого перед собой. Слугам приходилось по нескольку раз обращаться к молодой хозяйке, чтобы добиться от неё ответа. Предупредив Катерину, Ирина спряталась ото всех в библиотеке. Дара раз заглянула туда, чтобы сообщить ей, что пришёл Гриша и что он зовёт её на прогулку. Но Ирина сослалась на болезнь и осталась в замке – она ждала нового знака.

Уже вечером, когда сумрак обескровил всё вокруг, Ирина подошла к окошку и задумалась. Мысли её блуждали где-то далеко за пределами библиотеки, там, где мог быть сейчас Саша. Она перебирала пальцами узелки его браслета, и грудь её наполнялась теплом.

– Ирина? – настойчиво позвал её мягкий голос. – Ирина!

Она вскрикнула и обернулась.

– Прости. Не хотел тебя напугать, – Владимир стоял рядом с креслом, на котором лежали распахнутые «Аберрации сознания». – Читаешь? – он кивнул на книжку. – Я хотел сегодня ехать в Волчью долину. Но подумал... Может, ещё задержаться? Ты же знаешь, мы здесь временно. Скоро у тебя будет свой дом, в котором ты будешь хозяйкой...

Ирина слушала его и не понимала, зачем он ей это говорит. Видя, что жена не отзывается, Владимир откашлялся и продолжил неловко:

– Я подумал... может, если ты чувствуешь себя лучше, мы обсудим интерьер нашего дома? Разумеется, этим будет заниматься профессионал. Но сегодня я мог бы показать тебе свой проект. Мы вместе могли бы отобрать идеи: что бы хотела ты, что вижу я.

– Я в этом ничего не понимаю.

– Тогда я поеду в долину, – Владимир сосредоточил взгляд на окошке. – Работы там тоже много. Не знаю, когда вернусь... Береги себя. Ночью ты кашляла. Павел приглядит за тобой.

– Угу...

И снова потянулись неповоротливые, медлительные дни. Снег уже растаял, земля стала покрываться первыми зелёными наростами, но вестей от Саши не было. Каждое утро, только проснувшись, Ирина говорила себе: «Сегодня». Дневные часы проходили мучительно длинной чередой, наступала ночь, и ничего не менялось. Иногда Ирине казалось, что всё это злая шутка, и только браслет, который она когда-то плела для Саши и теперь носила на руке, не давал ей отчаяться. И всё же ожидание затягивалось, а между тем скоро должен был вернуться Владимир, он отсутствовал большую часть июля. Ирина боялась, что он приедет именно тогда, когда за ней придёт Саша. Она извела себя страхами, стала нервной и пугливой. Сутками она сидела в спальне и слушала найденные в ноутбуке альбомы «Вольмы».

Раздосадованная этим Катерина уговаривала её выйти на прогулку, она просила не привлекать к себе внимание сиверов (Павел Фёдорович уже спрашивал о её здоровье и хандре). Она уверяла Ирину, что причин для волнения нет и о необходимом будет известно в своё время. Но всё впустую, Ирина увиливала и придумывала отговорки. Однако Грише всё же удалось выманить её на воздух. Одним утром они случайно пересеклись на кухне, и она не смогла ему отказать. В Уголья они не пошли (Ирина не захотела), но зато отправились смотреть на лошадей.

– Ирина Анатольевна, как вы думаете, я мог бы стать врачом? – шёпотом спросил хозяйку мальчик.

Они стояли у загона под скособоченным зеленеющим деревом, и над ними, кряхтя, переговаривались две сороки. Ирина сложила на деревянную перекладину руки и опустила на них голову: она равнодушно следила за Адарой, которую конюх водил кругами. Одна сорока слетела с ветки на железные прутья решётки и нависла над окошком, с любопытством заглядывая в конюшню. Другая, взгромоздившись на забор, стала наблюдать за притаившемся в траве серым котом.

– Ирина Анатольевна?

– А? – Ирина подняла голову. – Что, Гриш?

– Я говорю: можно мне выучиться, где вы, и стать *там* врачом?

– Я же не врач. Я в колледже на медсестру училась. Тебе нужно в университет.

– А вы можете мне его найти?

Ирина вдруг отшатнулась от забора и растерянно поглядела на мальчика – она совсем забыла о своём обещании помочь ему бежать отсюда.

– Я подумал, что людям можно помогать по-другому, как Павел Фёдорович...

– А разве он тут не обучает? Разве люди не помогают ему в больнице? Наверно, не обязательно бросать семью, чтобы стать врачом, – Ирина ухватила за эту мысль как за соломинку.

– Это не то. Врачами могут работать только сиверы. Люди выполняют всякие поручения. Я бы хотел сам что-то делать... И... я хочу узнать, как *там*.

– А как же твоя семья? Они не будут переживать? – спросила Ирина, стараясь не глядеть на Гришу, который тоже не хотел смотреть на неё.

Он молча изучал одуванчики под ногами и теребил пуговицу куртки. Спазм сдавил горло Ирины: каждое её слово сейчас было пропитано обманом, и оба они это понимали.

– Я просто хочу сказать, что времени ещё очень много... Сейчас, главное, учиться в школе. Как у тебя там дела?

– Хорошо, – сухо ответил Гриша. – Я пойду, мне ещё в мастерской надо помочь... – он попятился.

– Гриша... – слабым голосом позвала его Ирина, но мальчик, не оборачиваясь, почти бежал от неё.

«Ну и иди!» – сердито подумала она, размазав по щекам слёзы. Что она могла сделать? Что могла сказать? Не может же она остаться тут только потому... только потому, что нафантазировала что-то. Но зачем тогда она дала ему надежду? Зачем пообещала? Чувство вины душило её и вгоняло в тупик. Она не знала, что делать. Попросить Сашу забрать вместе с ними Гришу? А как же Рада? Что с ней будет, когда её сын пропадёт? А что, если их накажут за его побег? Остаться здесь? Потерять свой шанс, не зная, будет ли потом другой? Ну зачем, зачем она рассказала ему про Ту сторону? Опять Владимир был прав! Она не думала о последствиях своих слов! Рассказывала ему правду, не думая, что эта правда может только навредить. Взяла на себя ответственность, которую не могла потянуть. Опять она была виновата!

От сокрушений Ирину спасла появившаяся на тропинке Катерина. Едва заметив её сутуловатую фигуру, Ирина побледнела и бросилась ей навстречу.

– Вернитесь в комнату, – шепнула Катя и свернула на другую тропку.

Не помня себя, Ирина бросилась в замок. Добравшись на слабеющих ногах до спальни, она застыла перед дверью. Несколько секунд она стояла, глубоко дыша и не решаясь дрожащей рукой толкнуть дверь. Казалось, сердце вот-вот оборвётся в её груди, в глазах у неё темнело. Наконец она повернула ручку, и её обдало холодом – внутри никого не было. Ирина рванула в ванную – пусто, и на балконе – тишина. Неужели обман? Она кинулась в коридор и столкнулась с Катериной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.